

анна
МАЛЫШЕВА

Солнце
ВОСЕМЬ МИНУТ НАЗАД

арт-детектив

Анна Витальевна Малышева
Солнце восемь минут назад
Серия «Задержи дыхание.
Проза Анны Малышевой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69931765

Солнце восемь минут назад: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 9978-5-17-149933-4

Аннотация

Александра Корзухина – художница, реставратор и продавец антиквариата – получает новый заказ. Задание, очень хорошо оплаченное, кажется ей странным. Ей предлагают подделать... подделку. Она становится участницей давней семейной драмы, и самое невероятное в ней то... что она, кажется, влюбилась.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	37
Глава 3	72
Конец ознакомительного фрагмента.	86

**Анна Витальевна
Малышева**

Солнце восемь минут назад

© Малышева А., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

анна МАЛЫШЕВА

Солнце
восемь минут назад

Издательство АСТ
Москва

Глава 1

Красные валенки с узором из белых снежинок бросились в глаза Александре сразу, как только она вошла в магазин при заправке. Кроме продуктов и, разумеется, бензина, здесь продавались товары, которые могли понадобиться дачнику: скребки для снега и лопаты, куртки, шерстяные носки и рабочие рукавицы. Нарядные валенки красовались среди этой выставки с несколько смущенным видом, словно недоумевая, как они здесь оказались. Александра, забыв о том, что мечтала о кофе, немедленно примерила их и понесла на кассу.

Светлана как раз расплачивалась за бензин и завтрак. Обернувшись, она подняла брови:

– Надо же, какие симпатичные! Интересно, мой тридцать пятый размер найдется?

– Они там были одни, – сообщила Александра.

Девушка в желтой форме, стоявшая за кассой, подтвердила, что красные валенки существуют в одном экземпляре, и пробила Александре чек. Прижимая к груди покупку, художница присела за столик, где уже устроился муж Светланы, Аристарх.

– Вот, не удержалась, – посмеиваясь, сказала Александра. – Говорят ведь, что дурак красному рад.

– Они тебе очень пригодятся, – отвечая ей, Аристарх лас-

ково смотрел на девушку, ставившую на прилавок перед Светланой две чашки со свежесваренным кофе и тарелку с пирожками. Как только на него оглянулась жена, его взгляд сделался преувеличенно серьезным, и он добавил: — Там снегу по колено.

Выезжая еще затемно из Москвы, они решили позавтракать по дороге в загородный отель, где их ждал первый рабочий день. Кухня в ресторане отеля еще не была полностью оборудована, из персонала на территории находился только сторож. Заказчик обещал приехать ближе к полудню.

Синий морозный рассвет медленно превращался в белое утро. За окнами заправки уже можно было рассмотреть заснеженное поле, окаймленное черной бахромой елового леса.

— И так дальше — все леса и леса, до самой Владимирской области, — Аристарх тоже смотрел в окно. — Глуховато, но заказчик считает, что гости будут платить за тишину и чистый воздух. Плюс он очень надеется, что эта идея с арт-отелем зацепит клиентов.

— Зацепит или нет, нас касаться не будет, мы свое получим, — за стол присела Светлана. Она придвинула мужу чашку. — По-моему, это невозможное пойло, но делать нечего. Я забыла взять термос. Приготовила и в последний момент забыла на кухне.

Аристарх покорно уткнулся в чашку. Девушка в желтой форме бросила на него такой жгучий взгляд из-за кассы,

что Александра невольно улыбнулась.

– Я тоже что-нибудь возьму. – Она поднялась из-за стола.

Пока в кофемашине хрустели зерна, она выбрала шоколадку и слоеный пирожок с сыром. Девушка поставила пирожок в микроволновку и снова украдкой взглянула на Аристарха. Александра попыталась увидеть старого знакомого ее глазами и не могла не признать, что тот все еще способен пленить женское сердце с первого взгляда.

Аристарху было под шестьдесят, но он сохранил юношески стройную фигуру. Рост метр восемьдесят, широкие плечи, мужественные и вместе с тем тонкие черты загорелого лица, белоснежная седая шевелюра, лукавые черные глаза и заломленные над ними густые черные брови – все это делало его похожим на актера, играющего роли героев-любовников. Сходство усугубляла совершенно очаровательная застенчивая улыбка, которой он щедро одаривал любую женщину, встретившую его взгляд. Лет десять назад, познакомившись с ним на вечеринке в одной мастерской, Александра сама поддалась этим чарам. Впрочем, это увлечение прошло моментально и бесследно: она очень быстро поняла, что перед ней человек, абсолютно лишенный характера. Аристарх Сазонов был патологически безволен. Трудолюбивый и не вовсе бесталаный декоратор интерьеров, он навсегда бы остался в тени своих более напористых коллег, если бы не жена. Светлана, с которой Александра познакоми-

милась на той же вечеринке, заменяла мужу и волю, и ум, и житейский здравый смысл. Рядом с этим ослепительным принцем она выглядела Золушкой, о которой забыла фея-крестная. Маленькая, шуплая, с крысиным профилем и безжалостной химической завивкой образца восьмидесятых годов, очень ей не шедшей, Светлана была совершенно равнодушна к своему внешнему виду. Имела ли она какое-то образование, никто не знал наверняка. Казалось, эта женщина родилась на свет лишь для того, чтобы стать женой своего мужа. Сама она любила повторять, что ради карьеры Аристарха пожертвовала собственными амбициями. Светлана искала заказчиков, проверяла договора, выбивала деньги, следила за тем, чтобы супруг посещал нужные мероприятия и оставался на виду. Все знали, что Сазонов самостоятельных решений не принимает, и сразу обращались к ней. Ошеломляющий успех у женщин, которым пользовался Аристарх, должен был бы разрушить или, по крайней мере, отравить этот брак. Но ничего подобного не происходило – это была на редкость гармоничная, крепкая пара, и никто не мог сказать наверняка, был ли у застенчивого красавца-дизайнера хотя бы один роман. Он всячески превозносил супругу, хвалил ее в глаза и за глаза, твердя, что без нее никогда бы ничего не достиг.

В последние годы Светлана внезапно открыла в муже художника, и это превратило его в одиозную фигуру в глазах всей Москвы. Как дизайнером Сазоновым никто нико-

гда не восхищался, но это был крепкий средний профессионал. В качестве художника он представлял полное ничтожество, но не видели этого всего два человека – он сам и его супруга. Светлана с прежней неумолимой энергией продвигала его на рынке, хлопотала, устраивая выставки, на которые никто не приходил, унижалась, интриговала, с деланой улыбкой переносила оскорбительные насмешки... Обаятельный беловолосый великан верил ей безусловно – и штамповал одну чудовищную картину за другой.

Александра любила бы эту пару, если бы могла забыть об этих полотнах, о которых к тому же приходилось говорить что-то приятное. Другой оценки Светлана никогда бы не приняла, да и обижать Аристарха, добрейшего человека, художница не хотела. Супруги относились к ней очень тепло. И вот, никак этого не ожидая, сразу после Нового года Александра получила благодаря им заказ. В Подмоскovie устраивался арт-отель. Аристарх должен был вернуться к прежней роли дизайнера интерьеров, чему очень радовался. Александре же, насколько она себе уяснила, предстояло в кратчайшие сроки создать несколько полотен. Правда, художница понятия не имела, о чем именно пойдет речь. С заказчиком она еще не встречалась. Светлана ее успокаивала, обещая, что работа как раз по ней. Этим утром они вместе выехали на объект.

...Вернувшись за столик, Александра застала друзей за беседой. Говорила, впрочем, одна Светлана – ее супруг

только философски приподнимал в ответ красиво заломленные брови. Он вообще говорил немного и всегда очень тихо, словно боялся кого-то разбудить. К нему приходилось прислушиваться.

– Объясняла я ему сто раз, что он ставит совершенно невозможные сроки, так может делать только человек, не имеющий никакого представления о художественном процессе! Ноль эмоций. Ты разве не знаешь этих нуворишей?! Представь, что он сказал! – Теперь она повернулась к Александре, осторожно принявшейся за дымящийся кофе. – Заявил, что если мы боимся не справиться, то он возьмет еще одного дизайнера! В своем ли он уме?! Это все равно что оркестр с двумя дирижерами сразу!

Художница принялась помешивать кофе ложечкой, разгоняя сливочную пену:

– А между прочим ничего себе. Я имею в виду капучино. Заказчик торопится, естественно, ему же надо деньги отбивать. Но вы успеете?

Аристарх пожал плечами, Светлана бросила на него гневный взгляд:

– Придется успеть, мы подписали договор. Но у меня просто сердце кровью обливается, как вспомню эту наглую физиономию... С кем приходится иметь дело! Вот почему я хотела, чтобы ты бросил декор!

– Света, художникам тоже приходится иметь дело черт знает с кем, – заметила Александра. – У декораторов хоть

какие-то критерии оценки есть. Функциональность, скажем. Эргономичность, как вы выражаетесь. У художников – ничего подобного. Поэтому я предпочитаю продавать чужие картины, чем писать свои. И волнуюсь... Я же понятия не имею, о чем речь.

– По-моему, он говорил о том, что надо пару-тройку раз скопировать какую-то картину. – Светлана подняла к потолку красноватые рачьи глаза навывкате. Она не выпалась и была не в духе. – Нес какую-то чушь о стилистике, рассуждал о том, чего не понимал. Я не стала даже вслушиваться. Сегодня сама все узнаешь. Отвратительный тип!

Аристарх глубоко вздохнул, украдкой взглянув в сторону кассы. В магазине появились новые посетители, двое веселых парней, чей джип виднелся за витринным окном. Они расплачивались за бензин, покупали еду навынос и любезничали с девушкой в желтой форме. Та охотно смеялась.

– Допивай и поехали. – Светлана дернула мужа за рукав и отодвинула свой стул, поднимаясь. – Еще километров пятнадцать. Надеюсь, дорогу расчистили.

Аристарх покорно опустошил чашку и направился к выходу. Александра в два глотка допила остывший капучино и поспешила за друзьями. Когда они усаживались в выставшую машину, над лесом показалось заспанное январское солнце – сизо-алое, обещавшее морозный день.

Двухметровый деревянный забор, вдоль которого ехала машина, навел на мысли о древнерусской крепости. Забор был сложен из грубо отесанного бруса, на ребрах которого тут и там виднелась кора. Александра пыталась рассмотреть, что находится за оградой, но заметила только мелькнувшую поодаль островерхую красную крышу.

– Огромная территория, – произнесла она, не отрывая взгляда с массивных брусев. – Сколько все это может стоить?

– Деньги у клиента есть, не сомневайся, – ответила Светлана, обернувшись к ней. – К таким типам деньги так и липнут! Или они к ним.

– Там почти два гектара, – подал голос Аристарх, не сводя глаз с дороги, стиснутой высокими сугробами, оставленными снегоуборочной машиной. Почти вплотную к ограде подступал сосновый лес, розовый от поднимавшегося солнца, пронзенный яркими синими тенями. Александра залюбовалась световыми эффектами в стиле Куинджи и не заметила, как «тойота» Сазоновых остановилась у красных решетчатых ворот. Аристарх, не выключая двигателя, убрал руки с руля. Светлана открыла дверцу, выбралась наружу и нажала кнопку вызова на панели кодового замка. Вернулась в машину и, захлопнув дверцу, поежилась:

– А солнышко-то не греет. Надо подождать, сейчас нам откроют.

Ждать пришлось несколько минут. Волны тепла, извергаемые кондиционером, усыпляли Александру. Этой ночью ей едва удалось уснуть, проспала она часа два. Художница и радовалась тому, что получила работу по своей прямой специальности, не связанную, наконец, с торговлей антиквариатом, и переживала, удовлетворит ли ее уровень клиента. «Светлана умеет рекламировать даже своего мужа, а уж что он из себя представляет как художник, только слепому не понятно. Страшно подумать, чего она наговорила обо мне! Когда я в последний раз продавала собственную картину?!» Вспомнив, как давно это было, художница испустила тяжелый вздох.

К воротам тем временем приближалась фигура, сразу вызвавшая у Александры интерес. Дремота моментально прошла. «Если это сторож, – думала она, разглядывая подходившего к воротам парня, – то хозяин – человек незаурядный!»

– Здешний сторож, – словно читая ее мысли, сообщила Светлана. – Жора.

Жора вынул из кармана пульт и нажал на кнопку. Красная решетка сдвинулась в сторону, освобождая проезд. Машина въехала на территорию отеля, и Жора немедленно закрыл ворота. Аристарх повернул ключ в замке зажигания, двигатель умолк. Все выбрались наружу.

Пока Аристарх пожимал руку парню и они обменивались

беглыми репликами о дороге и о погоде, Александра разглядывала Жору в упор, не стесняясь – так художники оценивают потенциальную модель.

Сторожу было лет двадцать пять, не больше. Среднего роста, очень худой, бледный, впалые щеки, острый нос. Усы и бородка делали его, как ни странно, не старше, а моложе. Длинные, чуть не до локтя, густые русые волосы были собраны в два хвоста голубыми резинками и лежали на груди, поверх цигейкового жилета. Жилет был накинут на армейскую куртку хаки с вышитыми тут и там синими незабудками. Наряд дополняли джинсы, солдатские грубые ботинки, краги из пятнистой коровьей шкуры. Александра отметила длинные музыкальные пальцы парня с припухшими артритными суставами. На безымянном пальце левой руки красовалось кольцо, сплетенное из бисера, – такое широкое, что закрывало всю фалангу.

Встретясь он ей в мастерской у коллег, Александра даже не взглянула бы на парня во второй раз, настолько этот типаж был бы там уместен. Но в лесу, в качестве сторожа большого отеля, Жора смотрелся странно. «Здесь нужен здоровенный мужик, чистить снег и дрова рубить. И лучше не один. А тут такое “дитя цветов”!» Знакомясь и протягивая сторожу руку, художница невольно улыбнулась.

– Георгий, Жора, – церемонно представился парень. – Здешний привратник. Я не люблю, когда меня называют сторожем.

– Александра, Саша, – ее улыбка становилась все шире. – Художница. Хотя меня редко так называют, но я тоже этого не люблю.

Парень озадаченно взглянул на нее и улыбнулся в ответ. Зубы у него оказались скверные – серые, в черных точках. Улыбка моментально исчезла, словно он вспомнил о своем недостатке.

– Как вы хотите жить? – спросил он, обращаясь сразу ко всем. – В одном шале или в двух разных?

– В двух разных, – немедленно ответила Светлана. – Иначе мы не сможем работать.

Александра согласно кивнула. Она привыкла к одинокой жизни и с трудом выносила чье-то постоянное присутствие рядом.

– Как скажете, – меланхолично ответил парень. – Мне просто дров рубить в два раза больше, ну да ладно.

– Здесь печное отопление?! – обрадовалась Александра.

Она питала слабость к печкам еще с детства, когда они с родителями гостили у родственников в подмосковной деревне. Ради нее печь топили летом, даже в жару – так Саша любила сидеть рядом с дверцей и смотреть, как в открытом поддувале на гряде золы пляшут отсветы огня. В этой пляске ей мерещилось нечто волшебное: золотые саламандры, огненная зыбь на заколдованной реке... Сидя по-турецки перед печкой, ссутулившись над сказками Гофмана, Саша дождалась, когда угли прогорали. Тогда она с помощью хол-

щовой рукавицы открывала дверцу топки (что было строго запрещено делать) и заворуженно смотрела, как тонкие огненные черви ползают по чернеющим углям. Иногда раздавался легкий треск, хлопок – словно удар крошечных ладошек. В лицо дышал тяжелый, плотный жар. Спать она ложилась, словно опьянев, и спала крепко, как никогда в городе.

– Здесь камин в каждом шале, – пояснил Жора. – Правда, везде теплые полы, но в морозы этого мало. А завтра обещают минус двадцать. Ну, идемте!

Оставив машину на широкой расчищенной площадке за воротами, они двинулись по дорожке, ведущей к главному зданию. Это его красную крышу Александра заметила из-за ограды. Приземистое двухэтажное сооружение было выстроено из того же массивного, грубо обработанного бруса, что и забор. Заказчик явно не гнался за стилистическими изысками, предпочитая прочность и лаконизм. Никаких эркеров, балконов, колоннад – ничего, что ожидала увидеть здесь Александра. Крепкий, непритязательного вида дом был совершенно уместен в сердце заснеженного леса – словно вырос на этом месте сам, без помощи проектировщика и рабочих. И дом понравился художнице.

– С виду так себе, но там очень тепло в морозы, – Жора перехватил взгляд Александры, когда она рассматривала узкие одностворчатые окна фасада. – Это зимний отель, по сути. Недалеко – гора, уклон градусов сорок, там на санях катаются, на лыжах. Курорт, можно сказать. Да и летом здесь от-

лично. Правда, в лесу надо поосторожней – лоси ходят, кабаны. И волки.

– Волки?! – остановилась Александра. По дорожке, ведущей к главному зданию, могли идти рядом только два человека. Они с Жорой шли первыми, за ними, поотстав, следовали Светлана и Аристарх. Она слышала их тихие голоса и скрип снега. – Серьезно, волки?

– Больших не видел, а волчата прибежали, – усмехнулся сторож. – Прямо за оградой резвились. Я сперва подумал, что кто-то щенков подкинул, потом они побежали, и смотрю – бегут не как собаки. Ссутуленные, лопатки вверх, морда к земле... И дикие совершенно. Волчата, двое. Ну, значит, где-то рядом была и мамаша.

Он первым ступил на крыльцо, постучал ботинками по обледеневшему граниту ступеней:

– Весь вечер лед скалывал, забыл песком посыпать. Осторожнее! У вас ботинки скользкие?

Парень подал Александре руку, помогая подняться на веранду, и она поразилась тому, как холодны его пальцы – словно в ее горячую ладонь вложили горсть снега. Сама Александра почти никогда не мерзла. Художницу закалило многолетнее существование в неотапливаемой мансарде, прежде служившей ей мастерской.

– Я валенки купила, – сообщила она, оглядываясь на машину. – Там остались, в пакете.

– И правильно сделали, сейчас принесу. – Жора потянул

на себя входную дверь – тяжелую, бронированную, декорированную накладками из красного дерева. – Добро пожаловать!

Она переступила порог одна – парень отправился на встречу Светлане и Аристарху, которые, не дойдя до крыльца, остановились и принялись что-то обсуждать. На этот раз, вопреки обыкновению, говорил Аристарх – он то и дело указывал на обе стороны здания, на маленькие домики в швейцарском стиле, тонувшие в снегу. Это были домики для гостей, те самые шале, которые ему предстояло декорировать.

Закрыв за собой дверь, чтобы не выходило тепло, Александра огляделась. Обширный холл, занимавший почти весь первый этаж здания, был полупуст. В большом камине, выложенном новенькими желтыми кирпичами, на гряде огненных углей тлели поленья. Дрова отсырели – они шипели и то и дело постреливали, исторгая душистый березовый пар. Художница блаженно втянула знакомый аромат и ощутила на губах детскую, бессознательно возникшую улыбку. Подойдя к огню ближе, она присела на кожаный диван, стоявший неподалеку от камина. Кроме дивана, в холле находился длинный обеденный стол, к которому были тесно придвинуты стулья с высокими спинками. Над столом на цепях висела массивная деревянная люстра в виде колеса телеги, усеянного по ободу электрическими имитациями свечей. Деревянные стены ничем не обиты и не оклеены – все тот же грубо ошкуренный брус, щели в котором были заткнуты мохна-

той пенькой. От пола, вымощенного отшлифованным диким камнем, едко тянуло холодом, пронзавшим толстые подошвы ботинок. В узкие окна несмело заглядывало январское утро. В углу, под лестницей, ведущей на второй этаж, моргала гирляндой маленькая елочка в кадке. Вдоль левой торцевой стены располагались две двери из массива дуба. В простенке между ними громоздились картонные коробки.

Входная дверь открылась, в холле появились Сазоновы. Светлана тут же направилась к блаженно замершей у огня художнице и пожаловалась:

– Представь, Жора заявил, что никаких указаний насчет нашего стола не получал! Что он отвечает только за отопление и чистку снега. Чем мы должны здесь питаться?! Шишками?!

– Света, но мы же сегодня встречаемся с заказчиком, – примирительным тоном заметил Аристарх. – Вот и договоримся обо всем.

Безобидное высказывание вывело Светлану из себя. Она сверкнула глазами на мужа, безмолвно приказывая ему замолчать. Александра очень хорошо знала эти взгляды, похожие на удары плетью – Светлана на них не скупилась. Семья Сазоновых представляла собой абсолютную монархию, если не деспотию. Аристарх отнесся к гневу супруги вполне равнодушно. Подойдя к камину, он взял кочергу с чугунной подставки и принялся поправлять плохо загоравшиеся дрова, пересыпая их угольями.

Вновь отворилась дверь.

– Ваши? – сторож протянул пакет Александре. – Надевайте прямо сейчас, в помещении тоже в них ходите. Полы ледяные.

Александра поблагодарила, вынула валенки из пакета и, полюбовавшись обновкой, переобулась. Светлана, следившая за ней, с усмешкой заметила:

– Ты улыбаешься, как пятилетний ребенок.

– Ну и что же... – Александра вращала ногой, рассматривая валенок в свете высоко разгоревшегося огня. – Позавчера был Новый год, сегодня – сказочный замок в снегах, волшебные красные валенки... Одно к одному. Не хватает только Морозко!

– Ничего, познакомишься с заказчиком, забудешь о Морозко! – отрезала Светлана и, присев на корточки перед огромным чемоданом, который Жора прикатил из машины, принялась рыться в вещах. У нее был вид человека, которого только что глубоко оскорбили. Александра давно заметила, что ничто не задевает Светлану так, как чья-то улыбка. Аристарх выпрямился, держа в руке кочергу, обернулся к художнице и заговорщицки, углами рта, улыбнулся, словно предлагая отнестись к происходящему с юмором. На дне его смоляных глаз что-то сверкнуло – или это был отблеск разгоревшегося в камине пламени. Александра дипломатично улыбнулась в ответ. «Этого еще не хватало», – недоуменно подумала она.

Жора тем временем открыл одну из дверей. В проеме Александра увидела кухню – стены, выложенные до потолка белым кафелем, блестящие стальные разделочные столы, вытяжной колпак над большой плитой. Парень, скрывшись из поля зрения, принялся чем-то бренчать, раздался шум льющейся из крана воды. Аристарх, вернув кочергу на подставку, подошел к двери и заглянул в кухню. Обернувшись к женщинам, он оптимистично заметил:

– Газ и вода есть, уже хорошо!

– Газ баллонный, вода из своей скважины, – выкрикнул по-прежнему невидимый сторож. – Мы зависим только от электросетей.

Он появился в дверном проеме, вытирая руки полотенцем, и продолжал:

– Но если вдруг авария, на этот случай у нас есть собственный генератор, на дизельном топливе. Конечно, экологию он не улучшает, да и шумит... Максим хотел было поставить пару ветряков на косогоре, там всегда ветер. Но от них, опять же, шум плюс электромагнитное поле... И требуется миллион разных разрешений на установку. Так что...

Обернувшись, он скомкал полотенце и прицельно швырнул его на разделочный стол:

– Я поставил воду для кофе, есть шоколадное печенье, а больше ничего. Максим привезет продукты. Пойду протоплю второй домик и дорожку к нему расчищу. У меня пока готово одно шале. Второе выбирать будете?

Светлана переглянулась с мужем и пожала плечами:

– А смысл? Они же все одинаковые.

– Мне тоже все равно, – присоединилась Александра.

– Ну... – протянул парень. – Вид из окон везде разный.

Светлана отмахнулась:

– Для работы это безразлично.

– Ладно, – Жора улыбнулся Александре, не размыкая губ. – Еще хотел спросить, вы хотите жить рядом или вас поселить подальше друг от друга?

– Можно и рядом, – художница ответила ему улыбкой. Этот парень в причудливом наряде, с прической в стиле Вудстока прекрасно гармонировал с домом, затерянным в лесу. «Что-то из Джека Лондона и Фенимора Купера!» Она не могла не признать, что такой диковинный сторож будет производить на постояльцев арт-отеля сильное впечатление.

– Супер, мне снега меньше чистить, – обрадовался Жора. – Я пойду займусь. Кофе сами сварите? Там все на столе.

– Я сварю, – вызвался Аристарх и исчез в кухне.

– А я пойду с вами, Жора, если вы не против. – Александра поднялась с дивана и снова застегнула куртку. – Хочу посмотреть свой домик. Я возьму тот, где еще не топлено. Да прямо сейчас и заселюсь!

– Дом только через несколько часов прогреется, – предупредил ее парень, направляясь к двери. – Там же не топили ни разу с тех пор, как его построили! Сейчас окна заплачут, влажность будет, как в бане...

– Неважно, я много лет жила вообще без отопления. – Александра накинула капюшон.

На пороге она обернулась. Светлана по-прежнему стояла на коленях перед открытым чемоданом, перебирая картонные папки с эскизами. Вид у нее был сосредоточенный и угрюмый. Из кухни уже тянулся сильный аромат кофе, горьковатый, слегка отдающий бензином. Пламя в камине поднялось высоко, просохшие на углях дрова горели дружно, в плоской широкой трубе слышался ровный протяжный вой – тяга была отличная.

Александра ступила на крыльцо и прикрыла за собой дверь.

Снег повизгивал под рифлеными подошвами новеньких валенок, когда Александра шла вслед за парнем по узкой расчищенной тропке к ближайшему от главного дома шале. Жора, не оборачиваясь, указывал то направо, то налево, объясняя:

– Всего у нас семь домиков. Два из них, вон там, поодаль, законсервированы, не достроены. Это просто коробки. Пять готовы принимать гостей. Все в рабочем состоянии: вода, канализация, отопление. Дизайнер поработает, купим мебель... Максим думает открыть первые домики на Масленицу. Большой праздник, катание на тройках и все такое. Блины, само собой.

– Через полтора месяца? – Александра, щурясь, огляды-

вала обширную территорию, тонушую в снегах. Солнце поднялось высоко над лесом, и крахмальная белизна наста слепила ее. – А он успеет?

– Он-то все успеет, успели бы ваши друзья, – приблизившись к крыльцу, Жора вытащил из сугроба воткнутые в него широкий скребок и лопату. – Я расчищу дорожку отсюда вон к тому шале! Это будет ваше!

Парень указал черенком лопаты на домик справа.

– А вы пока идите в дом, погрейтесь. Я утром протопил, может, еще остались угли. Дров там полно, подбросьте.

Домик был точной уменьшенной копией главного дома – двухэтажный, сложенный из грубо отесанного бруса. Карниз крыши далеко выдавался вперед, как у всех шале. Похожее строение дом имел и внутри: Александра оказалась в комнате с камином, в одной стене виднелись две двери. Открыв первую, художница обнаружила ванную комнату с душевой кабиной и сантехникой, типичной для отеля средней руки. За второй дверью, где она думала найти кухню, оказалась маленькая гардеробная. Вдоль одной стены тянулись встроенные шкафы, вдоль другой – стойки для хранения лыж.

Александра подбросила пару поленьев в камин – в домике было тепло, но она слишком любила открытый огонь, чтобы отказаться от такого удовольствия. Пока поленья занимались на углях, художница поднялась по лестнице и бегло осмотрела второй этаж. С площадки можно было попасть в две спальни, расположенные одна напротив другой. Мебель вез-

де стояла массивная и добротная, в непритязательном деревенском стиле – кровати, платяные шкафы, комоды для белья. Матрацы все еще были обтянуты упаковочной пленкой. Окна без занавесок смотрели на лес.

Внизу хлопнула дверь. Александра услышала приглушенные голоса Светланы и Аристарха. Высунувшись на площадку, она хотела окликнуть друзей, но осеклась. Супруги ругались.

– Этого не будет! Не будет! – твердила Светлана. Ее голос вибрировал от ярости. – Этого не будет никогда!

– Да что ты завелась?! – в тоне Аристарха тоже кротости не слышалось. – Ты вообще способна оценить объем работы?! Хочешь попасть на неустойку? Мне нужен помощник!

– Бери кого угодно, я не против, но только не ее. Почему именно она?!

– Да ничего же не было! – окончательно вспылил Аристарх. – Вечно эти домыслы! Я ее видел пять лет назад!

– А теперь вдруг вспомнил? – язвительно отозвалась супруга. – Что случилось? Почему именно Леночка должна тебе ассистировать?

– Да *нипочему*! – выдохнул Аристарх. – На днях виделся с общими знакомыми, узнал, что она ищет подработку. Лена отличный дизайнер, работает быстро.

– Никогда, – отчеканила Светлана. – Никогда, я сказала. Завтра приедут дети, они и помогут. Открой чемодан!

Аристарх что-то мрачно проворчал в ответ. Александра

тихо отступила вглубь спальни. Суть конфликта была ей ясна. Она не знала, о какой Лене шла речь, но понимала, с какой проблемой столкнулся Аристарх. «Открытие планируется через полтора месяца. Пять объектов плюс главное здание, где, в сущности, еще пусто. Шесть проектов. Даже если у Аристарха все уже схвачено, остается материальное воплощение... И с чем тут можно столкнуться, предсказать невозможно! Ему не один помощник нужен, а целая команда. Светлана просто не хочет делиться!»

Понятен был и скепсис Аристарха, проявленный им в ответ на предложение жены. У четы Сазоновых было трое детей – двое сыновей и дочь. Судьбами сыновей, как и судьбой мужа, полновластно распоряжалась Светлана. Не мудрствуя, она пустила Игната и Ивана по стопам отца. Оба окончили училище декоративно-прикладного искусства, пытались чего-то достичь, но вся их деятельность не приносила бы никаких плодов, если бы Светлана не заряжала их своей энергией. Она бегала по заказчикам, привычно унижалась, щедро льстила, интриговала против конкурентов – и сыновья кое-как оставались на плаву, никого этим особенно не радуя. Если Аристарха Сазонова все признавали как неплохого дизайнера, то на его сыновей попросту не обращали внимания. Дочь Сазоновых, Нина, выбрала медицинский институт. Как ни странно, мать не попыталась вмешаться в ее судьбу, и девушка предпочла профессию, далекую от искусства.

Снова хлопнула входная дверь. Выглянув в окно, худож-

ница увидела Светлану – съжившись, обхватив себя руками за локти, та быстро шла прочь от шале по узкой дорожке, по направлению к главному дому. Маленькая, худая, стремительная – со спины женщина выглядела подростком, обремененным на весь свет и непримиримым.

Оставаться наверху и делать вид, что ее тут нет, Александра сочла неудобным. Она уже собиралась спуститься, когда услышала на лестнице голос Аристарха:

– Саша, ты там?

– Здесь, – откликнулась художница. Через несколько секунд Аристарх показался в дверном проеме. Он не переступил порога спальни, а остановился, привалившись плечом к косяку. Его черные глаза были сощурены и приобрели непроницаемое выражение. Левую руку Аристарх поднес к губам и часто покусывал согнутый указательный палец.

– Поднялась посмотреть, как тут все устроено, – продолжала Александра. – У меня ведь такое же шале. Симпатичный домик.

– Да. – Аристарх, словно проснувшись, тряхнул головой и опустил руку. – Пять симпатичных маленьких домиков и один симпатичный большой домик. Всего-навсего. Ты все слышала?

– Извини, не хотела подслушивать, но...

Он поднял руку, отгораживаясь от ее оправданий:

– Да ничего страшного. Ты же свой человек. Мне нужен помощник, просто необходим. А от моих сыновей бу-

дет больше вреда, чем пользы. Они безнадежны. Ты это знаешь...

Александра молча пожала плечами. Она отмечала про себя, что поведение Аристарха, его манера держать себя и высказываться изменились. От ровного, почти на грани равнодушия, дружелюбного настроения не осталось и следа. Художница ощущала нараставшее в его тоне напряжение и недовольство. «Похоже, назревает бунт. Интересно, замечает ли это Светлана? Тираны обычно узнают о революциях последними...»

– В общем, одно из двух, – продолжал Аристарх, расхаживая по тесной комнате. Седой шевелюрой и резкими движениями на разворотах он очень напоминал полярного волка, запертого в клетку. – Или я запарываю объект и плачу неустойку, или заказчик примет у меня запоротый объект. Он довольно странный мужик. На это и надежда.

– Чем странный? – настороженно осведомилась Александра, присаживаясь на край постели.

– Да так, – неопределенно отозвался Аристарх. – Такое чувство, что он тебя не слушает. Сам не знает толком, чего хочет.

– Это часто бывает, – заметила художница.

– Нет, я неправильно выразился. Создается впечатление... – Аристарх возвел глаза к потолку, пересеченному открытыми балками, словно отыскивая верные слова. – Впечатление, что ему все равно, как там выйдет в итоге. Да ты

сама убедишься.

– Скорее бы. – Александра тоже невольно взглянула на потолок. – Я ведь своего договора еще и в проекте не видела. Вдруг там тоже прописана неустойка?

– Ничего в твоём договоре не прописано, потому что ты работаешь по устной договоренности. Света разве не сказала?

Художница молча покачала головой. Она не знала, радоваться этой новости или огорчаться. Александра привыкла доверять своим клиентам и спокойно относилась к тому, что большинство из них не обременяли себя оформлением договоров. Обманывали ее крайне редко. Ее безупречная репутация служила отличной гарантией, и заказчики, обращаясь к ней, чаще всего не страховали сделку и не оговаривали неустойку. Исключением являлись публичные торги и крупные сделки, в особенности международные, – тогда оформлялись все необходимые документы. Суть нынешнего заказа оставалась весьма туманной. Александра ничего не знала о человеке, с которым ей предстояло иметь дело.

– Как его зовут? – спросила она. – Этот парень, сторож, упоминал какого-то Максима.

Аристарх кивнул:

– Верно, Максим Юрьевич Богуславский. В договоре так прописано. Знакомое имя?

– Первый раз слышу.

– Его никто не знает. – Мужчина подошел к окну и остано-

вился, скрестив руки на груди, рассматривая лес за оградой. Сознательно или нет, Аристарх всегда принимал картинные, изящные позы. – Просто мешок с деньгами. К искусству никакого отношения не имеет. Что за дикая идея с арт-отелем в этой глуши... На кого это рассчитано? Сюда же только девиц в сауну возить или в санях на хасках кататься. Ни парной, ни бассейна. Он прогорит.

– В общем, это не наша забота, – осторожно заметила Александра. – А неустойка у тебя прописана большая?

Аристарх вздохнул и слегка пожал плечами, продолжая смотреть в окно:

– Сама знаешь, как выглядят эти пункты. Утраченная выгода и тому подобное. Прицепится, так суда не миновать. Мне нужен помощник, иначе...

Он на миг запнулся и торопливо продолжал, по-прежнему не оборачиваясь:

– Ты все слышала... Черт меня дернул предложить Лену! Лена, понимаешь... Ты вряд ли знакома с ней. Мы работали когда-то вместе, это был удачный тандем, но пришлось распрощаться, и расстались мы некрасиво. Не как хорошие партнеры. Света устроила скандал, ничего нельзя было исправить. Уж если она что-то вбила себе в голову...

Он вновь замолчал, на этот раз пауза затянулась. Александра решилась подать голос:

– А другие варианты есть? С помощником?

– Я в последнее время подрастерял связи в своей среде, –

признался Аристарх. – А что хуже всего, и в себя, как в дизайнера, веру потерял. У Светы целая теория на мой счет – что я должен из дизайнера эволюционировать до художника. Ну, представь себе доисторическую рыбу, которую нужно выгнала на мелководье. Рыба учится дышать воздухом, пользоваться плавниками, как лапами, барахтается в грязи... Это невозможно трудно, мучительно, но раз надо, значит, надо. И тут этой бывшей рыбе приказывают вернуться в воду и по-прежнему плавать. А у нее жабры уже, извините, отмерли. И те рыбы, к которым она должна вернуться, посмотрят на нее косо.

– Стоит ли думать о других рыбах. – Александра пыталась говорить шутливым тоном. – У тебя все получится, я уверена. Вот насчет себя я сомневаюсь... Какую это картину мне нужно будет копировать, интересно.

– Наверняка Шишкина, – буркнул, обернувшись, Аристарх. – «Утро в сосновом бору», не иначе. Вон оно – из каждого окна. Смотри, Жора сюда идет.

Через несколько секунд внизу хлопнула дверь, послышался грохот брошенных на пол дров. Александра вышла на площадку и перегнулась через перила:

– Ну как там, мой домик готов?

– Снег расчистил, – донеслось из холла. – Сейчас ведро углей тут наберу, чтобы долго не возиться, и растоплю камин. Посидели бы пока здесь! Вы там почки отморозите.

– Наверяд ли. – Александра заглянула в спальню. – Ари-

старх, я пойду к себе, надо устраиваться. Не унывай... Хочешь, среди своих контактов кого-то поищу? Работа всем нужна.

Мужчина сделал неопределенный жест и снова уставился в окно. У него был обреченный вид узника, приговоренного к пожизненному сроку заключения. Художница осторожно прикрыла дверь.

* * *

Свой нехитрый багаж Александра разобрала через час. Она бы управилась и раньше, но в ее спальне стоял такой лютый холод, что ей то и дело приходилось спускаться в холл, греть оковеневшие руки у камина. Жора развел сильный огонь, соорудив целый штабель из дров, в каминной трубе стоял ровный гул, но тепло ощущалось лишь вблизи очага. Промерзшие насквозь стены домика дышали стужей, мебель медленно отпотевала. Теплый пол был включен на полную мощность, о чем свидетельствовали цифры на датчике, но каменная облицовка и не думала нагреваться. Из рта Александры вместе с дыханием вырывались облачка.

– А я-то похвасталась, что привыкла к холоду, – заметила она, провожая парня к двери. Тот вновь собрался на дровяной склад, желая запастись топливо до утра. – Тут можно к стулу примерзнуть.

– В Москве так холодно никогда не бывает, – мечтательно

произнес Жора. – На градуснике то же самое, что и здесь, а ощущения совсем другие.

– Часто туда выбираетесь?

Александра сама не знала, зачем задала этот вопрос. В сущности, ее совсем не интересовало, часто ли колоритный сторож выезжает в город. Но увидев, как бледное лицо собеседника передернула легкая судорога – наискосок, словно молния, она поняла, что случайно коснулась чувствительной для него темы. Помедлив секунду, Жора вздернул плечи:

– Вообще не выбираюсь. Я с начала стройки здесь безвылазно. Можно сказать, вокруг меня этот забор и построили.

– Вот как... – она не нашлась с другим ответом.

А Жора продолжал, со все более явственным вызовом в голосе:

– Больше года здесь торчу. Когда приехал, только колышки после землемера по периметру торчали. Все выстроили при мне.

– Все это за год? – воскликнула Александра.

– Да тут строили все объекты сразу, рабочих было больше, чем населения в соседнем поселке. Целая толпа. Отделку в конце ноября закончили. С тех пор я один. – Парень криво усмехнулся. – Одичал уже. Машины нет, да я и водить не умею. Вообще-то, и ехать мне особенно некуда.

Он резко замолчал, словно наткнувшись на невидимое препятствие. Александра ждала продолжения, которое, очевидно, имелось, но Жора отворил дверь, осторожно спустил-

ся с обледеневшего крыльца и торопливо зашагал по расчищенной дорожке. Снег визжал под его тяжелыми солдатскими ботинками. Александра, стоя в дверях, провожала его взглядом. Она не торопилась возвращаться в выставший дом: на улице, на солнце, казалось намного теплее. Близился полдень, и наст сверкал, словно блески на сентиментальной новогодней открытке.

Внезапно парень остановился, достал из кармана жилета телефон, приложил к уху. И тут же, разговаривая на ходу, почти бегом устремился к въездным воротам. За красной решеткой было пусто, но до слуха Александры уже доносился близкий гул мощного двигателя – стояла такая тишина, что все звуки слышались необычайно четко.

Решетка сдвинулась. На расчищенную площадку медленно въехал большой черный внедорожник, сверкающий хромированными деталями. «Хозяин. – Александра наблюдала за машиной, которая остановилась рядом с белой “тойотой” Сазоновых. Водитель появляться не спешил. – Ну, если сторож у него и странный, то тачку я примерно так себе и представляла. Похоже, все-таки буду копировать “Утро в сосновом бору”. Посмотрим, на что у него хватит фантазии!»

Глава 2

Обеденный стол был таким длинным, что, когда за него уселись пять человек, он все равно казался пустым. С каждой стороны стола стояло по дюжине стульев. Здесь, в трапезной главного здания, могли разом разместиться все постояльцы отеля, даже если бы он был заселен до отказа, прикинула Александра. Сама она к столу еще не присаживалась – художница вызвалась помогать Жоре, хлопотавшему на кухне. Светлана, сидевшая рядом с мужем, не двинулась с места. Она была поглощена беседой с приехавшим хозяином, и те обрывки ее фраз, которые ловила Александра, сплошь состояли из восторженных восклицаний: «Чудесное место! Дивная природа! Великолепная идея!»

Александра, раскладывая по новеньким белым салатницам и блюдам привезенное готовое угощение, иронично улыбалась. Не выдержав, она негромко заметила:

- Всегда восхищалась людьми, которые умеют скрывать свои чувства. Это лучшие продавцы.
- А что она продает? – Жора оглянулся на открытую дверь, тоже понизив голос.
- Своего супруга.

Она осеклась, встретив внимательный взгляд молодого человека, и поспешила сгладить впечатление:

- Все профессии – это ведь товар, правда?

– Ну да, – ответил тот, по-прежнему пристально глядя на нее. – Хорошо тем, у кого этот товар имеется.

На этом разговор оборвался: они отправились накрывать на стол. Аристарх при их появлении поднялся было, чтобы помочь, но жена едва заметным движением усадила его обратно, придержав за локоть. Она явно не желала, чтобы супруг ронял достоинство перед заказчиком.

Первые минуты ели почти в полном молчании. Впрочем, с аппетитом поглощала пищу одна Светлана. Аристарх выглядел задумчивым, и мысли были не из приятных, судя по его лицу. Он упорно смотрел в тарелку, словно надеялся найти там ответ на терзавшие его вопросы. По правую руку от Александры сидел Жора. Парень ел без удовольствия, механически – словно по обязанности, потому что так полагается. Сама художница, хотя и была голодна, слишком волновалась ввиду предстоящих переговоров с заказчиком и едва замечала, что ест.

Хозяин отеля сидел во главе стола перед нетронутой тарелкой, поставив локоть на салфетку, подперев кулаком щеку. Его взгляд был устремлен на елочку, мигавшую красной гирляндой. Казалось, мужчину заморозили огоньки, то медленно погасавшие, то неохотно разгоравшиеся, то бегущие резвой волной вокруг деревца в кадке. На сотрапезников он не смотрел и, если Светлана к нему обращалась, отвечал не сразу. С Александрой он обменялся парой дежурных фраз, когда их познакомили. Его поведение тревожило и ин-

триговало художницу. «Вид у него не праздничный, но ведь у богатых людей и неприятности большие, – думала она, поддевая вилкой салат. – Только бы заплатил, в сущности. Какое мне дело до остального!»

И все же она украдкой посматривала на Максима – так попросту, без отчества, он ей представился.

У него была внешность, далекая как от красоты, так и от мужественности, но такие типажи привлекали ее внимание. На вид владельцу отеля было около пятидесяти лет. Среднего роста, худощавый, одет без претензий – черный свитер, джинсы, кожаная куртка, которую он не снял, садясь обедать. Черные волосы с проседью коротко подстрижены ершиком. Впалые щеки выбриты до блеска. Водянистые прозрачные глаза треугольного разреза, под глазами круги, пристальный взгляд без выражения, устремленный в никуда. Александра мысленно уже делала карандашный набросок этого жесткого нервного лица, фиксируя глубокие складки у рта, губы неожиданно женственного очерка, короткий нос с горбинкой и тонкими подрагивающими ноздрями. «Расстояние от носа до рта больше обыкновенного, – отмечала она. – Высокий лоб, уши плотно прижаты к черепу... И хотя он сейчас о чем-то грезит, у него вид человека, готового взорваться и вспылить».

– Что это вы на меня так смотрите? – внезапно обратился к ней Максим, оторвав взгляд от гирлянды.

Опешив, она ответила честно:

– Я думаю, что вас интересно было бы рисовать.

Мужчина поднял брови:

– Серьезно? Ну, этого не требуется. Заказ будет другой.

Вы закончили с обедом?

Александра посмотрела на свою тарелку и отодвинула ее.

– Да, спасибо.

– Тогда мы с вами поднимемся наверх и все обсудим. –

Максим с шумом отодвинулся от стола вместе с тяжелым стулом и встал. – Незачем время терять, хочу засветло в Москву вернуться. Кофе хотите?

– С удовольствием. – Александра тоже встала.

– Жора нам наверх принесет.

С этими словами, не взглянув на Сазоновых, прекративших есть, хозяин направился к лестнице. Александра последовала за ним.

На площадку второго этажа выходили две двери – одна напротив другой, точно как в маленьких шале. За первой отворенной дверью оказался кабинет. Александра переступила порог вслед за хозяином, отмечая более чем скромную обстановку. Большой сосновый стол, офисное кресло, железные стеллажи, полки которых были уставлены картонными коробками. Единственным предметом роскоши здесь был большой сейф – таких монстров последнего поколения ей доводилось видеть в хранилище аукционного дома «Империя», с которым она часто сотрудничала. Ее знакомый аук-

ционист Игорь Горбылев говорил, что некоторые экземпляры стоят более миллиона рублей. «Клиентам это нравится, — прибавлял он с самодовольной улыбкой. — Хотя, прямо скажем, такая степень безопасности нам ни к чему. Но огневзломостойкий сейф со стенками в сантиметр, с кодовым и ключевым замком — это всегда производит впечатление!»

— Присаживайтесь. — Максим ногой подтолкнул к Александру офисное кресло. — Давайте сразу к делу.

Кресло покатилося, художница поймала его за спинку и села. Хозяин кабинета вынул из внутреннего кармана куртки ключ и подошел к сейфу. Александра дипломатично смотрела в сторону и все же, когда массивная дверь отворилась, не удержалась и бросила короткий взгляд внутрь сейфа. Она увидела слева стопку коробочек в простых коричневых упаковках, в углу виднелся рулон бумаги, вдоль правой стенки в глубине — большой плоский пакет. Именно его Максим и достал, положив на стол. Вынув из ящика стола канцелярский нож, он выдвинул лезвие и несколькими резкими движениями вспорол упаковку по периметру. Пузырчатый целлофан и белая шелковистая ткань ключьями посыпались на пол. Александра поднялась с кресла и, подойдя к столу, принялась рассматривать картину в гладкой раме бронзового цвета.

«Это лучше, чем я ожидала. — Она склонилась над полотном, сожалея, что лупа и фонарик остались в сумке, в ее шале. — Намного лучше».

Перед ней был пейзаж, примерно сорок на пятьдесят сантиметров, несомненно, немецкий, несомненно – середины девятнадцатого века, и скорее всего – подлинный. На картине был изображен исполинский дуб на краю сжатого осеннего поля, окаймленного лесом. Присмотревшись, можно было заметить охотников, верхом преследующих оленя, почти исчезнувшего на опушке. Но главными героями картины были не охотники, а огромный дуб и осеннее небо с кучевыми облаками, насквозь пронизанными утренним солнцем. Человек был здесь малозначимой деталью.

– Очень удачная вещь, – вырвалось у нее.

– Да? – Максим стоял рядом, заложив руки в карманы куртки и склонив голову набок. – Георг Генрих Крола. Дюссельдорфская школа. Это я в Цюрихе купил, на аукционе Шуллера.

Он резко хохотнул:

– Хорошее название для аукциона?

– Это солидный дом, – Александра выпрямилась. – Я видела их каталоги. Если не секрет, во что обошлось?

– Пять тысяч пятьсот швейцарских франков. Недорого.

– Для дюссельдорфской школы – нормально, – осторожно согласилась Александра.

Хозяин обратил на нее загадочный взгляд осьминога – тяжелые веки необычного разреза делали его жутковатым.

– Даже если я переплатил, то немного, – заметил он. – От стартовой цены недалеко ушел, всего на три шага. Драки

за картину не было. В зале никто не набавлял, только в Сети какой-то блаженный – один раз. В общем, сами видите, самое то для столовой.

Он указал пальцем в пол.

– Возле камина повешу.

– Вы уверены? – усомнилась художница. – Там постоянные перепады температуры, влажности... Полотно может испортиться.

Максим отмахнулся:

– Поэтому я и не стал брать ничего ценного. Для отеля – в самый раз. И не жалко, и не стыдно, и постояльцам приятно. Искусство, мать его так.

«А он ничего себе, – Александра с трудом сдерживалась, чтобы не улыбнуться. – Тоже лучше, чем я ожидала».

– Как я поняла, речь идет о копировании? – спросила она, вновь обращая взгляд на полотно. – Так, может, лучше будет повесить в столовой копию?

– Нет-нет, ни в коем случае, – категорично заявил Максим. – Но копии мне действительно нужны. Для шале. Пять копий для пяти домиков, и побыстрее. За месяц управитесь?

Теперь Александра не сводила с него изумленного взгляда. Она была сбита с толку и ожидала продолжения, но Максим, судя по всему, считал, что выразился ясно.

– За месяц успеете? – повторил он.

– Во всех шале будут одинаковые картины? – нерешитель-

но уточнила художница.

– Именно, – кивнул Максим. – Да и не совсем картины, если быть точным. Что такое *венка*, знаете? Сталкивались?

Ей показалось, что она ослышалась. Мужчина смотрел на нее уже с явным раздражением. Его тонкие ноздри нервно подергивались, водянистые глаза приобрели жесткое выражение.

– *Венка*? – переспросила она. – Если это то, о чем я думаю, то *венка* – это олеография, наклеенная на холст, оттиснутая под прессом, чтобы придать бумаге рельеф холста, и покрытая лаком. Впервые такие гибриды появились в Вене, во второй половине девятнадцатого века, отсюда название... Имитация настоящей картины маслом за небольшие деньги... Некоторые *венки* даже дописывались вручную, для лучшей рельефности.

– Все верно. – Максим достал из сейфа рулон, который заметила там Александра. – Вот, здесь олеографии. Масштаб один к одному. Остальные материалы купите сами и представьте мне счет. Багеты тоже должны быть идентичны оригиналу. – Он постучал указательным пальцем по бронзовой раме. – Все. Теперь насчет сроков и оплаты...

– Подождите! – Александра с трудом сохраняла самообладание. – Вы предлагаете мне сделать *венку*?

– Пять штук, – уточнил Максим. – Есть препятствия?

– Да как бы сказать, – она терялась под его взглядом, который ощущала как прикосновение – бесцеремонное и недоб-

рое. Наконец, собравшись с духом, художница заявила: – Я никогда этого не делала.

Богуславский поднял брови и улыбнулся. Улыбался он, опуская углы губ вниз. Это была улыбка наоборот.

– А разве это так сложно? – осведомился он. – Светлана мне сказала, что вы первоклассный реставратор. С такой-то ерундой справитесь!

Александра покачала головой:

– Нет, я не так выразилась. Я никогда этого не делала... И не хотела бы делать, – закончила она с сильно забившимся сердцем.

Мужчина присел на край письменного стола, скрестив руки на груди, рассматривая собеседницу с явным любопытством.

– А почему, что тут такого? – спросил он. – Для вас это какая-то репутационная потеря? Это вас унижает?

– Ну, можно и так сказать. – Александра снова уселась в кресло. Сердце все еще колотилось в горле, и она сама не понимала, отчего так волнуется. – Такую работу может сделать для вас любой студент художественного училища. Нужно только мало-мальски разбираться в технологии. Я реставратор, это так, но я еще и художник. А то, что вы предлагаете... Это очень странно. Если уж на то пошло, можно заказать пять копий акрилом на холсте, их нарисует краскопульт, когда в компьютер загрузят изображение оригинала. С абсолютной точностью. Это все равно что вышивальные

швейные машинки, все по шаблону. Ну, а потом можно будет и лаком покрыть, и кракелюры строительным феном сделать, если вам угодно.

Она указала на картину Крола:

– Полотно в хорошем состоянии, наверняка перед торгами его освежили, так часто делают. Парадокс в том, что копия зачастую выглядит старше оригинала, ее старят нарочно, чтобы выглядело убедительнее.

– Копия или подделка? – перебил Максим, не сводя с нее глаз.

– Подделка – тем более! – горячо воскликнула художница. – Тут уж не жалеют ни трудов, ни денег. Есть аутентичные материалы, которые проходят все проверки, они дорогие, но достать их не составляет труда. В Китае, например, работает целая сеть фабрик, производящих краски и грунт по вышедшим из употребления технологиям, с применением запрещенных химикатов. Учитывая то, что на таких производствах нет очистных сооружений, отравляются и рабочие, и окружающая среда. Но никому нет дела. Производство свинцовых белил, например, превращает рабочего в тяжелого инвалида за пару лет. Зато поддельная картина успешно проходит рентген, химический анализ – и пожалуйста, эксперт с чистой совестью дает заключение, что никаких несоответствий не обнаружено. Ватто не писал, например, цинковыми белилами. Только свинцовыми. Цинковые изобрели через шестьдесят лет после его смерти.

Максим рассмеялся. Смех у него оказался неожиданно разительный, но художница даже не улыбнулась.

– Да я же не предлагаю вам подделать картину! – напомнил он, успокоившись. – Я предлагаю вам сделать предельно достоверные *венки*, и это не так просто, как вам показалось. Понимаете, ваши работы должны выглядеть так, будто их сделали еще в девятнадцатом веке, при жизни Крола. Краскопульт не подойдет. Это дешевка, а мне нужен высокий класс.

– Я должна симитировать имитацию? – переспросила Александра. Она никак не могла осознать услышанное. – *Венку*, которой цена за глаза – десять тысяч рублей? Вот этого еще не доводилось делать... Предложений симитировать подлинник было немало. Но вы этим не интересуетесь, как я поняла...

– Я похож на преступника? – осведомился Максим.

«Похож!» – подумала художница, молча пожимая плечами.

– Ну, спасибо. – Он правильно истолковал ее движение. – Ладно, давайте еще раз: вы изготавливаете, по всем правилам, как вы там умеете, пять *венков*, идентичных тем, которые делали в девятнадцатом веке. Никто их за подлинники не примет, разумеется. Подделать подделку – это не подделка.

«А украсть краденое, по его логике, – не кража, – мысленно закончила Александра. – Все-таки он человек из-под

темной звезды, Света права!» Вслух же она спросила:

– Не мое, конечно, дело, но можно узнать, зачем это вам?

– Да все просто, – с досадой произнес Максим. – Тут будет арт-отель. В Европе таких полно. Бывают экоотели, бывают арт, чего только не бывает. В главном здании повесим подлинник – пейзаж со сценой охоты. Я специально узнавал – это самая подходящая тема для шале. Во всех домиках будут висеть олеографии, примерно той же поры, что и подлинник. Мелочь, а приятно. Думаете, легко было такие достать?

Он бережно развернул рулон. Александра приподнялась:

– Это олеографии девятнадцатого века?

– Представьте себе, – гордо ответил Максим. – И все вместе они ощутимо стоили, включая комиссионные агентам. Две нашли в Нидерландах, одну в Швейцарии, одну в Германии, одну в Австрии. Так что забудьте про десять тысяч рублей за штуку.

– Вы проделали большой труд. – Она рассматривала пожелтевшие отпечатки со сценой охоты на оленя. – Надеюсь, идея себя оправдает... Хотя в домиках можно было просто повесить другие охотничьи сценки того периода. Я бы вам достала недорого. Уж не по той цене, за которую вы Крола приобрели. И возни меньше.

– Нет-нет, другие картины не нужны! – запротестовал Максим с непонятным ей жаром. – Мне понравилась вот именно эта, я ее еще перед аукционом на выставке присмотрел. Шатался по Цюриху, случайно, в общем, зашел... Что-

то меня зацепило.

И, словно устыдившись своего эмоционального порыва, саркастически добавил:

– А рядом с картиной я еще экспертное заключение аукционного дома в рамочке повешу. По-немецки, готическим шрифтом. Пусть гости наслаждаются.

Александра сдалась, внутренне посмеиваясь – больше над собой, чем над заказчиком. «Это нелепо, но, в конце концов, он платит...» Оговорили условия. Максим предложил ей назначить вознаграждение самой, и Александра, поколебавшись, назвала цену пяти реставраций средней сложности. Услышав сумму, хозяин отеля скривил губы. Художница забеспокоилась, что запросила слишком много.

– Понимаю, что работа не выглядит сложной, – с запинкой произнесла она, – но я планирую все же прописать кое-что маслом. А то, получается, вообще душим людей. *Венки* девятнадцатого века часто прописывали поверх бумаги...

Мужчина пожал плечами:

– Думаете, мои потенциальные постояльцы в курсе таких деталей? Человек, который разбирается в искусстве, в арт-отель не поедет. Он поедет в экоотель.

«Что ж такое, этот тип мне нравится!» – удивленно констатировала про себя Александра.

– Ну, цену вы сами назначили, – продолжал Максим, запирая сейф. Повернулся обод электронного замка, щелкнул ключ. – Если считаете, что этого вам достаточно – по рукам.

Через месяц жду пять картин. Расходы по производству – на ваше усмотрение, не скупитесь. Присылайте сканы чеков. Да, запишите мой телефон!

Она внесла его номер в память мобильного телефона, тут же позвонила, чтобы у Максима отразился ее номер. Через пару секунд во внутреннем кармане его куртки раздалась медленная минорная мелодия.

– Записал. – Максим достал телефон и внес ее контакт в список. – Вам деньги все сразу? В рублях возьмете?

– Конечно, возьму. Сперва аванс, наверное... – начала Александра.

Максим открыл ящик стола и достал небольшую пачку купюр. Отсчитав примерно треть, протянул деньги Александре, остальное небрежно бросил в ящик.

– Возьмите все, я запомню, что расплатился, – сказал он. – Договор составлять не будем, обойдемся без этой ерунды. Олеографии заберете к себе в шале. Картина ведь вам для работы не нужна? Я предпочитаю оставить ее здесь.

– Разумеется, картина не потребуется, – кивнула Александра, принимая деньги. Художница поняла, что запрошенная ею сумма вознаграждения показалась заказчику мизерной. «Можно было просить больше, тем более цифра взята с потолка!» – Но скажите, это не опасно, что в ближайшем будущем картина будет находиться не в сейфе, а просто на стене, без сигнализации? Понимаю, это не самое ценное полотно на свете, но...

– Вот на этот счет вообще не переживайте, – поморщился Максим. – Чужие здесь не ходят. Да, и еще одно условие! Вы должны работать здесь. *Венки* нельзя вывозить в город. Ну и, разумеется, нельзя публиковать изображения в Сети.

– На этот счет можете не беспокоиться, – заверила его художница. – Не скрою, мне было бы удобнее работать в своей мастерской, но ваши условия – это ваши условия.

– Ну, раз мы все решили, принимайтесь за работу.

Александра попросила разрешения оставить олеографии в кабинете до утра. Она опасалась, что старая хрупкая бумага пострадает от холода и влаги в промерзшем шале. Максим согласился.

– Меня уже тут не будет, но Жора откроет вам кабинет. У него ключи от всех дверей. Кроме этой. – Он с усмешкой кивнул на сейф. – Все будет лежать на столе. Что-то еще? – добавил он, видя, что Александра замешкалась.

Она смущенно улыбнулась:

– Да нет, просто рингтон у вас такой знакомый, а я не могу вспомнить, где это слышала.

Его глаза сощурились, углы губ снова поползли вниз в улыбке «наоборот»:

– Ну вот, теперь я знаю, что вы когда-то ходили на «Служанок» Виктюка!

– Точно! – машинально подтвердила она. – Музыка оттуда. Где же это было?.. В Вахтангова.

– Я тоже на Арбате смотрел, в начале девяностых. Может,

на одном спектакле были...

Он вдруг запнулся и закончил, уже без улыбки:

– Страшно подумать, сколько лет прошло. Ну, я вас не задерживаю, нужно еще с дизайнером переговорить. Скажите там, внизу, что я его жду. Да!

Александра, уже направлявшаяся к двери, обернулась на возглас.

– Жду без супруги, – добавил Максим. – Она нам очень мешает.

И хотя поручение было щекотливым, Александра почувствовала, что выполнит его с удовольствием. А хозяин отеля, словно разом забыв о ней, устремил взгляд на лежавшую перед ним картину. Закрывая дверь, художница спросила себя, чем именно так завораживает его рядовое, в общем, полотно? «Бессмысленно гадать, – подумала она. – Бывает странное лицо, от которого глаз не оторвать, бывает идеальная красота, от которой быстро устаешь. Здесь законов нет...»

* * *

Выйдя из кабинета, она едва не столкнулась с Жорой – тот осторожно нес две чашки с дымящимся черным кофе.

– Подноса нет, не могу найти, – пожаловался парень. – А вы уже все?

Александра взяла у него одну чашку:

– Похоже на то. Аристарх внизу?

– Оба там, ругаются, – Жора фыркнул. – Они, видно, из тех, кто любит выяснять отношения при свидетелях. На колхозном собрании, как говорится.

Спускаясь в столовую, Александра приостановилась на лестнице – отсюда она видела и слышала все, что происходило внизу. Аристарх пересел на диван у камина и смотрел на огонь. Светлана ходила взад-вперед за спинкой дивана и отрывисто бросала в затылок мужа:

– Никогда, слышишь, никогда! Завтра утром приедут дети!

– Этим детям тридцать и двадцать девять, – неожиданно резко отвечал Аристарх, не оборачиваясь. – Ты до сих пор все решаешь за них. Для меня это будет не помощь, а обуза.

– Если ты пригласишь эту тварь, я уеду! – Светлана вцепилась в спинку дивана так, что кожаная обивка закрипела. – Слышишь, немедленно уеду!

Александра, застывшая с чашкой посередине лестницы, стала свидетелем невероятного – Сазонов равнодушно пожал плечами в ответ на угрозу. Художница решила, что пора подать голос.

– Аристарх, тебя ждет заказчик. – Она быстро спустилась в столовую, подошла к дивану и уселась в углу. – Хочет поговорить с глазу на глаз.

– Наедине?! – оскалилась Светлана. – О чем это?!

– Надеюсь, к нему-то ты меня не ревнуешь? – Аристарх поднялся. – Успокойся, пожалуйста.

Светлана бессильно задыхалась, глядя, как супруг поднимается на второй этаж. Когда он исчез на верхней площадке, женщина упала на диван рядом с Александрой – та едва не расплескала кофе себе на колени.

– Вот, Саша, вот! – бормотала она. – Ты же его знаешь, ты же видишь, как он изменился! Будто с цепи сорвался. Стоит заговорить об этой твари, прямо сам не свой. И он еще смеет врать, что ничего не было. Я знаю мужчин!

– Просто переживает, – дипломатично ответила Александра. – Заказ большой, время ограничено.

– Делал он и больше, и быстрее. – Светлана сидела рядом, сгорбившись, спрятав нижнюю часть лица в сложенных ладонях. Ее голос звучал глухо. – С ним творится неладное. Мы тридцать лет вместе, я его видела таким один раз. Вот именно тогда!

Она не договорила, но Александра, уже знавшая от Аристарха о его разрыве с напарницей, прекрасно поняла, о каком событии идет речь.

– Тогда его будто подменили, – продолжала Светлана, отнимая руки от лица и кладя их на тесно сдвинутые колени. Женщина неотступно глядела на огонь и говорила, словно обращалась к пламени. – Огрызался, не отвечал на вопросы, работал спустя рукава. Ничего не было?! Да он полгода прийти в себя не мог. Все было, все. Я не дуручка, я его насквозь вижу. Да, как профессионал эта Лена была ничего, не спорю. Дело не в этом... Не в этом!

Она обернулась к Александре, и та увидела, что маленькое востроносое личико собеседницы мокро от слез.

– Я боюсь, понимаешь? – сипло проговорила Светлана. – Боюсь, потому что думала, все забыто, а оказывается... Он может сорвать заказ. Может наделать глупостей, он сейчас в том возрасте, когда мужчины начинают сходить с ума. Вторая весна наступает... Дети выросли, жена надоела... Как он сыновьям собирается в глаза смотреть? Хотя тебе этого не понять.

И, вскочив, отойдя к столу, Светлана принялась вытирать щеки салфеткой. Александра сидела молча. Она прислушивалась, не раздадутся ли на лестнице шаги – появление Жоры могло бы избавить ее от этой тягостной исповеди. Но сторож не возвращался.

– Он ей позвонил, представляешь?! – Голос Светланы больше напоминал шипение. – Выслал ей свои проекты! И ничего мне не сказал!

Александра глубоко вздохнула и ответила, стараясь говорить бесстрастно:

– Света, ты как бы его агент, я понимаю, но работать – ему, и ему лучше знать, кого...

Договорить ей не дали. Подскочив к камину, Светлана загрозила собой огонь и яростно выпалила:

– Он – работает?! Да это я вкалываю день и ночь, кому он нужен, таких сотни! Значит, я – никто?! Меня можно просто отодвинуть в угол, поставить перед фактом, так?!

Александра, бросив взгляд в сторону лестницы, сделала предупреждающий жест. Светлана обернулась и обнаружила прямо над собой Жору. Парень перегнулся через перила и без всякого стеснения слушал. Лицо маленькой женщины покраснело, но не от жара очага, а от гнева. Она несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться, и закончила почти беззвучно:

– Если эта тварь явится, я ее собственными руками...

И, словно в доказательство, Светлана предъявила художнице раскрытые ладони. Затем крепко сжала кулаки, подошла к столу, уселась на свое место и оттолкнула тарелку:

– А можно и мне кофе?!

В ее голосе звучали вызов и готовность к ссоре. Жора неторопливо спустился и направился на кухню. Александра, не желая оставаться наедине со Светланой, пошла за ним.

– Ну и бесятся эти двое, – пробормотал парень, заведя ее в дверях. – Прямо как молодожены.

Он возился с кофемашиной, засыпая зерна. Послышался хруст, горько и масляно запахло размолотой арабикой. Жора вынул из кухонного шкафчика чашку с блюдцем, молочник и сахарницу. Повернулся к Александре:

– Скорее бы уж повар приехал! Но он появится только перед открытием. Я жил себе один, разогревал замороженную пиццу в микроволновке, и дело с концом. Теперь вас трое, надо чем-то кормить, а я даже не знаю, зачем тут все эти

штуки...

Парень широким жестом обвел шкафы.

– И куча коробок еще не распакована, – добавил он, ставя на блюдце чашку с дымящимся кофе. – Подносы явно где-то там. Должны же они вообще быть в отеле!

– Ну, обойдемся, – рассеянно заметила Александра. – И в конце концов, чем плоха пицца? Мы сюда явились не объедаться деликатесами, а работать.

– Так вы остаетесь? – Жора двинулся к двери, но тут же обернулся: – Договорились с Максимом?

– Что за вопрос, остаюсь, конечно, – удивленно ответила художница. – Зачем же я приехала, по-вашему?

Жора кивнул и удалился в столовую. Александра подошла к большому панорамному окну и остановилась, захваченная открывшимся видом. Короткий январский день заканчивался, солнце опускалось к лесу, сверкающий нетронутый наст приобрел теплый розоватый оттенок. Из окна кухни она видела два домика – примерно на расстоянии пятидесяти метров. Домики были точными копиями тех шале, где разместили Сазоновых и ее саму. За одним исключением – все оконные проемы были наглухо закрыты щитами. Художница приоткрыла створку окна, и в кухню влился поток холодного воздуха, показавшегося ей сладким.

Прямо за ее спиной раздалась минорная мелодия, Александра резко обернулась. Максим стоял в шаге от нее, рассматривая экран смартфона. Сбросив вызов, сунул телефон

в карман и взглянул на художницу:

– Нравится здесь?

– Очень, – искренне ответила она. – Хотя я привыкла жить в центре Москвы, в самом муравейнике... И никогда особенно не любила такие уединенные места.

– Ну, это место постепенно перестает быть уединенным, – мужчина тоже смотрел на домики, освещенные заходящим солнцем. – Завтра утром еще два человека приедут, помогать дизайнеру.

– Да, его сыновья, – машинально подтвердила Александр.

– Вообще-то речь шла о супружеской паре, – Максим искоса на нее взглянул. – Вряд ли это его сыновья.

– Супружеская пара? – недоуменно переспросила она.

– Мы только что с ними созванивались. Некие... – Максим достал из кармана куртки сложенный листок и близоруко сощурился, разбирая написанное. – Елена и Сергей Кольцовы. Тоже дизайнеры. Аристарх уверен, что втроем они успеют к сроку. Я же не могу отказать гостям накануне заселения! Тут будет большой праздник, катание на санях, чучело Масленицы, блины, сбитень... Приедете? – неожиданно осведомился он.

– На блины-то? С удовольствием. А кстати, о поездках, – спохватилась художница. – Мне ведь нужно будет закупить в Москве материалы для работы. Я без машины, ваш сторож – тоже, как он мне сказал. Просить Аристарха, отрывать

его от работы – неудобно...

– Все решаемо. – Максим не сводил взгляда с домиков, казавшихся пряничными в свете уходящего дня. Сосновый лес, стеной стоящий за оградой, багровел, стволы сосен словно налились кровью. – Ну и мороз будет завтра! А знаете, ведь сегодня особенный день.

– Вот как? – вежливо осведомилась Александра.

– Да. – Максим склонил голову набок, словно к чему-то прислушиваясь. – Сегодня впервые после зимнего солнцестояния день начинает прибавляться с двух сторон. Солнце взошло на минуту раньше, чем вчера, и сядет на минуту позже.

– Ну да, ведь день прибавляется после двадцать первого декабря, – недоуменно взглянула на собеседника Александра. – Это даже заметно.

– До сих пор день прибавлялся только с вечера, – мужчина говорил задумчиво, глядя на медленно темнеющие стволы сосен. – Закат наступал чуть позже, но и рассвет – позже. Потом два дня рассвет стоял на месте, а закат отодвигался. А сегодня солнце взошло раньше. Еще два дня восход будет в это же время, потом снова сдвинется. Это очень необычные дни, не зря наши предки связывали с ними столько мистики. В астрономии, кстати, они разбирались куда тоньше нас. От того, вернется ли солнце после самых длинных ночей, зависела жизнь. Выражение «конец света» – не пустые слова. Нам-то что – знаем, что день убывает или прибавля-

ется, а с какой стороны и как, не наше дело. Мы все воспринимаем как должное.

Александра ощутила на своих губах улыбку, которую поспешила погасить, чтобы заказчик не подумал, что она над ним посмеивается. «Он со странностями, это здорово, – думала художница. – С такими людьми приятно иметь дело!»

– И что же, каждый год так? – спросила она, нарушая повисшую тишину. – Минута в минуту?

– Конечно, – мужчина глубоко вздохнул, словно просыпаясь, перевел на нее взгляд, пристальный и отсутствующий одновременно. – Это и прекрасно. Люди вечно ошибаются, солнце не ошибается никогда.

Лес померк внезапно, словно кто-то выключил багровую подсветку. В ясном небе сразу стали видны звезды – колючие, обжигающе ледяные, как глоток колодезной воды в январе. Максим закрыл окно:

– Мне пора ехать.

– А захватите меня в город, пожалуйста. – Александра достала из кармана часы с оторванным ремешком и взглянула на циферблат. – Глядишь, еще успею кое-что купить для работы. Просто подкиньте до метро, если не затруднит.

* * *

За все время поездки они едва обменялись несколькими

безликими фразами о пробках и о грядущих морозах. Александра, заинтригованная рассказами об астрономии, ожидала найти в Максиме более интересного собеседника. Но тот явно был поглощен своими мыслями, и Александра успела пожалеть, что навязалась в попутчицы. С другой стороны, ей совсем не улыбалось весь вечер любоваться перекошенным лицом Светланы и выслушивать ее гневные тирады. «Да там словами не кончится, как бы не передрались, — думала художница, следя за тем, как вдоль шоссе множатся огни, распахиваются развязки возле сверкающих гипермаркетов. — Аристарх действительно взбунтовался. Пригласить на свой страх и риск бывшую напарницу, к которой Светлана его ревновала... Да, но ведь та приезжает с мужем...»

По радио пел Синатра. «Незнакомцы в ночи» вскоре сменились сводкой погоды.

— По области ночью до минус двадцати. — Александра смотрела на алое марево, застывшее над центром. В чернильном далеком небе совсем не было видно звезд. — Знаете, если все эти домики будут отапливаться только время от времени, *венки* долго не протянут. Я не могу дать никакой гарантии, что они не расслоятся. Клеевой слой очень чувствителен к перепадам температуры и влажности.

— Да и не надо гарантии, — равнодушно бросил Максим. — Это все — так...

И вновь загадочно замолчал. Александра начинала понимать, что имел в виду Аристарх, говоря, что заказчику

«все равно». Тяготясь немногословием своего спутника, художница высматривала ближайшую станцию метро и, завидев, наконец, переход, попросила остановиться.

— Вам куда надо, собственно? — словно очнувшись, взглянул на нее Максим.

— На Кузнецкий Мост. Но я выйду здесь, не хватало еще тащиться по центру, по пробкам, в это время. — Она застегнула куртку, поставила сумку на колени. — Спасибо, что подвезли.

— Не за что совершенно. — Максим окинул ее непроницаемым взглядом глубоководного жителя. — Когда вернетесь?

— Думаю, завтра около полудня. Если успею все найти.

— Но ведь *вернетесь*? — с нажимом уточнил он.

— Раз я взяла деньги и мы обо всем договорились, разумеется, вернусь. — Художница натянуто улыбнулась.

Он не ответил. Попрощавшись, Александра выбралась из машины и, не оглядываясь, поспешила к переходу. «С какой стати он подумал, что я могу исчезнуть? — Ежась от пронизывающего сквозняка, она почти бежала по бетонному тоннелю. — Не надо мне было ломаться из-за *венков*... Все-таки заработок. Для автора без имени — даже не позор!»

Художница толкнула стеклянную дверь, ведущую на станцию метро, и ее щеки запылали от влажного горячего воздуха, пахнувшего паленой резиной.

Магазин в районе Кузнецкого Моста, куда направилась Александра, принадлежал ее давнему знакомому. Он торговал как станковой живописью, так и всеми материалами для ее создания, в том числе редкими и аутентичными. Именно у него, вернувшись в Москву после учебы в Питере, Александра пыталась пристроить для продажи свои картины, которыми втайне гордилась, именно он первым вынес ей приговор, который молодая художница запомнила навсегда. «У вас хорошая рука, деточка, – добродушно произнес хозяин магазина, своей полнотой, пышной шевелюрой и веселыми глазами напоминавший дагерротипы Дюма-отца. – Но вы кто угодно, только не художник. Ремесло крепко знаете, не спору, и с технологией вас в Репинке познакомили. Реставрации, копии – ваш верный кусок хлеба. А картины ваши покупать не станут». Тогда, возвращаясь домой с отвергнутыми полотнами, Александра кляла этого сытого «барина от искусства», как тут же его прозвала. Но Ивана Константиновича Мусахова не зря считали одним из самых опытных московских торговцев живописью. Он создал себе репутацию еще до развала Советского Союза, в смутные, хищные времена, когда становиться частным предпринимателем было попросту опасно. Его конкуренты разорялись, зловеще исчезали, а он неизменно процветал. В начале де-

вяностей Мусахов арендовал на долгосрочной основе, практически навечно, старинный особняк в «золотом» районе, близ Кузнецкого Моста. В первом этаже располагался магазин художественных материалов, во втором – галерея. Двухэтажный голубой домик, щедро украшенный лепниной, похожий на свадебный торт, быстро стал популярен и у художников, и у покупателей. У Мусахова был верный глаз и потрясающая интуиция. Если он заявлял, что продаст картину, ее можно было считать проданной. Его презирали за откровенно торгашеский подход к искусству, обвиняли в махинациях с налогами, завидовали его успеху. Мусахов, ни на что не обращая внимания, безмятежно торговал. Торговля была смыслом его жизни, он не закрывал магазин даже в праздничные дни, поэтому Александра не сомневалась, что сегодня, вечером второго января, застанет старого знакомого на месте.

Так и вышло – стоило ей потянуть на себя тяжелую дубовую дверь без вывески, как навстречу хлынули свет и тепло, мешаясь с сумрачным морозным паром переулка. Звякнул подвешенный к притолоке латунный бубенец. Из подсобного помещения немедленно выглянул хозяин.

– Вот это кто! – воскликнул Мусахов. Сердечно раскинув руки, он подошел к Александре и трижды, в старинной манере, расцеловал ее. Дыхание «Дюма-отца», на которого торговец картинами с годами стал похож еще больше, явственно отдавало дорогим коньяком. – Совсем не заходишь, забыла

старика!

– Вот, понадобилось – сразу о вас вспомнила, – с улыбкой ответила художница. Они с Мусаховым давно стали друзьями.

– А без нужды не вспомнишь, – резюмировал тот. – Что поделаешь, развалины никто не посещает.

– Это вы-то развалина? – возразила она.

– Ну, вроде Колизея. – Торговец хохотнул. Он неизменно находился в приподнятом настроении. – Все его знают, и никому он к чертям не нужен, кроме туристов. Да и туристов сейчас мало. С чем пожаловала?

– Срочный заказ. – Александра присела на плюшевый диванчик, в углу которого дремал огромный серый кот, неуловимо похожий на хозяина. Приоткрыв внимательный янтарный глаз, рассеченный узким зрачком, кот моментально припомнил посетительницу и равнодушно отвернулся, прикрыв лапой нос, – то был верный признак надвигающихся морозов.

– Нужен холст, обязательно грубого плетения, крупнозернистый. – Александра устремила взгляд на потолок, словно там находился список покупок. – Ширина шестьдесят, не меньше. Метра четыре на всякий случай возьму. Осетровый клей. Ничего, если не высшего качества, граммов двести. Глицерин, нет, лучше технический мед, очищенный, без воска. У тебя ведь есть швейцарский? Еще фенол.

– Фенола не дам, – моментально ответил Мусахов. – Отра-

вишься. Деточка, ты что, сама собралась проклеить четыре метра холста? В домашних условиях? Ты же знаешь, каждый слой сушится двенадцать часов при постоянной температуре, в затемненном помещении. А будешь делать масляную эмульсию – так и несколько суток уйдет. Возьми у меня готовый холст! Сам делаю, с фабриками не связываюсь. Правда, не знаю, насколько крупнозернистый тебе нужен.

– Очень крупнозернистый, – заявила Александра. – Прямо дерюга. С узлами и мусором в плетении. Чтобы был рельеф.

– Такого дерьма, увы, не держу, – торговец тоже возвел глаза к потолку. – Но для тебя, деточка, найду. Это принципиально?

Художница кивнула:

– Это обязательно. Еще возьму сухие цинковые белила. Килограмм. У меня были, но не помню, где лежат. Не все коробки разобрала после переезда.

– А, так ты съехала со своего насеста? Я-то думал, тебя вместе с домом реконструировать будут.

Насестом Мусахов называл бывшую мастерскую Александры, располагавшуюся в огромной мансарде старого особняка, в переулках близ Солянки. Дом, находившийся на балансе Союза художников, когда-то был целиком отдан под мастерские, одна из которых принадлежала покойному мужу Александры. После смерти супруга она осталась полновластной, хотя и незаконной обительницей мансарды. Долгие

годы ее никто не тревожил, не выгонял из помещения, в сущности, почти непригодного для жилья, и она привыкла считать мастерскую своим домом. Но особняк стремительно ветшал, соседи-художники переезжали в другие, более благоустроенные помещения. Александра держалась до последнего извещения о начале работ по реконструкции. Она покинула здание, когда отключили свет и вдоль фасада выросли строительные леса.

– Меня уже не переделаешь, – улыбнулась Александра. – Бесполезно.

– И где ты сейчас?

– Да вот, повезло – сняла у одной вдовы художника мастерскую, почти что в соседнем переулке. Адрес оставлю на всякий случай.

Мусахов немедленно протянул гостье блокнот и ручку, Александра написала адрес и даже нарисовала схему, как найти ее новое жилище.

– Раньше это была одна большая квартира, с парадным входом и черным, – объясняла художница, рисуя на схеме стрелки. – Но там поставили глухую перегородку в коридоре, получилось как бы две квартиры, каждая с отдельным входом. Ко мне – в подворотню, через двор и по черной лестнице на второй этаж. А если пойдете прямо в квартиру номер три с парадного, попадете к моей хозяйке.

Мусахов взял у нее блокнот и поднял жидкие брови:

– Да я знаю этот дом! Хозяйка – Юля Снегирева, правиль-

но?

– Юлия Петровна, верно! – кивнула Александра. – Я даже не удивляюсь, что вы знакомы, вы же всю Москву знаете.

– В пределах Бульварного кольца – всю, – хмыкнул торговец. – И покойного Снегирева знал, бывал у него в той самой мастерской. Валерий Николаевич звезд с неба не хватал, прямо скажем, но чиновников от искусства обольщать умел. Особенно чиновниц. Отсюда и такая квартира. Ты-то довольна? Да? Ну, это главное. Материалы когда нужны?

Александра сложила ладони в молитвенном жесте:

– Завтра утром! Срочно!

– Все в наличии, кроме холста, – задумался вслух Мусахов. – Но холст я ночью вряд ли найду... Разве что...

Он тряхнул седой шевелюрой и бодро закончил:

– Утром позвоню, вдруг получится. Телефон прежний?

– Запишу на всякий случай. – Александра снова взяла блокнот. – Да, и я буду работать за городом, это довольно далеко, так что буду ждать материалы в Москве, чтобы не ездить туда-сюда. Надеюсь завтра же начать...

– И кому нужен такой холст, – проворчал Мусахов. – Это для декора, что ли?

– Не могу сказать, – извиняющимся тоном произнесла художница.

– Понимаю, тайна заказчика. А на кого работаешь, тоже не скажешь? Вдруг жулье какое-нибудь? У меня впервые такую заведомую дрянь заказывают. Там же половина красоч-

ного слоя потом отвалится, вместе со щепками.

– Красочного слоя и не будет, – вырвалось у Александры. Она мгновенно осеклась. Мусахов, прикрыв глаза, задумался.

– Стесняюсь спросить, – после паузы проговорил торговец. – Речь не о *венке* идет?

– Иван Константинович... – оторопело протянула художница. – Как вы...

– Догадался? – Мусахов глубоко вздохнул. – Давно живу, деточка. Вспомнились девяностые. Ты тогда еще святым искусством занималась, витала в облаках... Не представляешь, что в нашем бизнесе творилось. Один мой знакомый, аферист первостатейный, на этих самых *венках* сколотил очень приличное состояние. Наглый был неимоверно, рисковый. Бандит по натуре, и бандитам же свои *венки* продавал, в роскошных рамах, выдавал за подлинники. Сертификаты штамповал со всех аукционов мира. Не веришь, что такое возможно, да? Очень даже возможно. И *венки*, надо признать, стряпал мастерски. Тут в переулке, в подвале, неподалеку. Такие шедевры получались – с двух шагов не отличить от оригинала. Вот он за такими холстами, как ты, охотился. Правда, искал старые холсты, *лодзинские*, со станков, которые давно не в ходу. Из Польши и выписывал, из Лодзи, нашел там какой-то довоенный текстильный склад. Уж хуже этих холстов я не видел ничего. Зато при оттискивании получался убедительный рельеф...

Мусахов покачал головой и продолжал:

– Вот я сейчас послушал тебя и сразу его вспомнил. Умел он ухватить удачу за шиворот... Пока его самого не прихватили. Неизвестно даже, где похоронен. Закопали где-нибудь в лесу. Говорил я ему тысячу раз...

Александра поежилась:

– Иван Константинович, это не тот случай. Мои *венки* никто не собирается выдавать за подлинники. Декор, и только декор, как вы сами сказали.

– А зачем, позволь спросить, ты за это взялась? – Взгляд торговца сверлил ее из-под набрякших красноватых век. – Трудные времена? Настолько? Обратилась бы к старым друзьям. Неужели я бы тебе не помог?

Художница вздохнула:

– Да у меня почти всегда трудные времена, но ничего, держусь на плаву. Скажу вам честно – я не хотела браться за эти *венки*. И рассказывать об этом никому не собиралась, такой эпизод в биографии чести не делает. Но вот... Согласилась. Просто ради интереса. Станный опыт – тоже опыт.

Мусахов развел руками:

– Дело твое, деточка! Я достану самый страшный холст, какой только смогу. Но про то, что благодаря тебе в мире станет на четыре метра дряни больше, уж позволь, забуду. Каждый зарабатывает как может, и не мне тебя судить. Так как, ты сказала, зовут заказчика?

– А я не говорила. – Александра, пряча улыбку, подня-

лась с дивана, и кот встревоженно повернул круглую голову в ее сторону. В желтых совиных глазах застыло недоверчивое внимание. — Вы же знаете, что имя клиента — табу. И вы сами когда-то сказали это одной молодой художнице, витающей в облаках.

Глава 3

Свою квартирную хозяйку Александра не видела с кануна Нового года. Тогда, тридцать первого декабря, она зашла к Юлии Петровне с поздравлениями и коробкой конфет. То была обычная дань вежливости – художница во все не горела желанием выслушивать бесконечные воспоминания вдовы о покойном супруге, прочно забытом художнике. В тот последний визит Юлия Петровна, обычно благостно манерная, вела себя беспокойно. Она даже не предложила Александре неизбежной чашки чая, едва поблагодарила за конфеты и не поздравила в ответ «с наступающим». Даму с сиреневыми волосами и тщательно наложенным макияжем в фиолетовых тонах явно что-то тревожило. Она прислушивалась к каждому звуку, поглядывала на входную дверь, и Александра поторопилась уйти. Художница догадывалась, что происходит.

В конце декабря ее старый приятель и бывший сосед по мастерской, скульптор Стас, неожиданно-негаданно покори́л сердце вдовы – так же легко, мимоходом, как покори́л сердца большинства вдов, бюсты чьих супругов он ваял. Такие приключения были для него в порядке вещей. Но Юлия Петровна отнеслась к произошедшему очень серьезно. Она явно видела в беспечном скульпторе кандидата в мужья, чем очень его пугала. Ситуация усугублялась

тем, что Юлия Петровна неожиданно снискала расположение бессменной няньки и домработницы Стаса – широко известной в московских мастерских Марьи Семеновны. Озадаченный Стас признался Александре, что сразу после празднования Нового года «в семейном кругу» тайком уедет в Питер.

– К кому – даже тебе не скажу, друг Александра, – удрученно добавил он во время последней встречи. – А то Марья все из тебя выбьет. Исчезну первого числа, утром. Вернусь... Предположим, весной.

И Стас действительно исчез – во всяком случае, Александре он больше не звонил. Ни Марья Семеновна, ни Юлия Петровна также ее не беспокоили. И теперь, утром третьего января, проснувшись в своей мастерской, художница пыталась понять, что означает это молчание. «Или Стас куда не уехал, или они решили, что я его сообщница, и не хотят со мной говорить, – размышляла Александра, блуждая взглядом по стенам комнаты. – Такие враги мне не нужны. Юлия Петровна может выставить меня из квартиры, а с Марьей Семеновной даже сумасшедший побоится связываться...»

Вчера вечером, ложась спать, она задернула плотные шторы из малинового шелка – то небольшое, что уцелело от обстановки, предоставленной квартирной хозяйкой. Сейчас в окна сквозь шторы светило солнце, и комната купалась в тенях цвета красного вина. Этот эффект нравился художни-

це – он преображал знакомые предметы, придавая им загадочный колорит. В обыденности рождалось волшебство.

Не торопясь вставать, она вспоминала вчерашний день, знакомство с Максимом, домики, утопающие в снегу, и все казалось ей нереальным, будто приснившимся. «*Венки...* Докатиться до этого!» Реставрация любого, самого посредственного полотна все-таки была процессом творческим – она оставалась наедине с автором картины, пусть безымянным или забытым; это был диалог, обмен опытом, иногда – дуэль. Создание пяти одинаковых *венков* требовало от нее лишь технологических навыков.

Мысли неожиданно скользнули в глубокое прошлое – так косяк рыб, испуганных появлением хищника или лучом света, резко меняет направление движения. Александра вновь оказалась в аудитории Института имени Репина, где училась много лет назад. Стоял солнечный весенний день, одно из окон было приоткрыто, и над ним то и дело вздувалась от налетавшего с Невы ветра пыльная белая «маркиза». Амфитеатр был полупуст – с последней пары студенты часто сбегали. Лекцию об основах технологии живописи и реставрации читал профессор Девяткин – признанное светило. Он говорил об особенностях трехслойной живописи, о технике, которую использовали старые мастера, и о подвохах, которые таит работа с трехслойной картиной для реставратора. Лекции Девяткина изобиловали детективными поворотами, парадоксами и захватывающими приме-

рами из личного опыта. Он учил студентов видеть в реставрации большее, чем бездушное ремесло.

— Мы привыкли думать, что видим именно то, на что мы смотрим, — говорил профессор, как всегда, несколько загадочно. — Это простительно посетителю музея, который смотрит на картину, но не реставратору. Реставратор, глядя на картину, не должен доверять своим глазам. Если вы смотрите на картину семнадцатого века, это не значит, что перед вами картина семнадцатого века. Истина откроется только в процессе реставрации, но может быть слишком поздно. Вы уже погубите полотно. Вы будете предполагать, что перед вами пример трехслойной живописи, и начнете работать со слоем лессировок, с самым верхним. На самом же деле слой может оказаться всего один. Прежде чем вы поймете это, вы его уничтожите. Поэтому!

Девяткин постучал по доске указкой и внушительно произнес, повысив для привлечения внимания голос:

— Раз! Приступая к осмотру картины, не думайте совсем. Избавьтесь от предубеждений. Не читайте экспертных заключений, если таковые имеются. Не рассуждайте, а смотрите. Знаете, как работает хороший следователь, осматривая место преступления? Он не думает о том, *что* должен искать. Он просто смотрит и фиксирует ровно то, что видит. Ответы могут оказаться неожиданными. Если вы будете искать черного кота в темной комнате, вы его в конце концов найдете, уверяю вас. Но!

Снова удар указкой. Аудитория молча внимала.

– Это будет не тот кот, – закончил Девяткин. – Итак, первое – исходите только из вашего личного представления о полотне. Второе! В природе не существует ни абсолютной прозрачности, ни абсолютной непрозрачности. Старые мастера никакие полутона не писали прямо, они достигались оптическим эффектом, через просвечивающий подмалевок. Все эти финальные сияющие золотистые тона Веронезе и Тициана достигались тем, что подмалевок они делали бронзовой краской. Никакой мистики, как мы видим. Позже в ход пошла охра золотистая. Передвижники пользовались асфальтовым грунтом. Он давал мерцающие мягкие тона, но в итоге все их картины сильно потемнели и изменили колорит. Итак, второе!

Удар указкой.

– Глядя на лессировку, сразу высматривайте подмалевок. Если вы его не можете различить, перед вами однослойная картина. Необязательно подделка. Не все художники получали специальные знания, некоторые были просто не в курсе того, как работать в трех слоях. Мы еще поговорим отдельно о русском усадебном портрете восемнадцатого века. Это интереснейший гибрид европейского светского портрета и византийской иконописи, по приемам и технике. И третье!

Девяткин занес указку для удара, но замер с улыбкой, глядя на студентов:

– Обязательно сфотографируйте картину перед тем,

как начать снимать лак. В цвете. Когда вы ее *зажарите*, а одну-две картины в своей жизни вы *зажарите* обязательно, вы просто напишете ее заново...

Профессор говорил что-то еще, но теперь его слова поплыли, словно краски, смазанные губкой с растворителем. Александра снова провалилась в сон. Из состояния дремоты ее вырвал звонок. Нащупав телефон на полу рядом с кушеткой, художница увидела на экране вызов от Мусахова.

– Да, Иван Константинович? – Она приподнялась на локте, сонно шурясь.

– Твой заказ готов, Сашенька, – ответил торговец, пропустив пожелания доброго утра. – Все у меня в багажнике, готов привезти. Ты, помнится, очень спешила.

– Вы просто волшебник! – воскликнула Александра, разворачивая к себе циферблат огромного цинкового будильника, тикающего в изголовье постели. Стрелки показывали начало одиннадцатого. – Когда вы успели?!

– Честно? – собеседник коротко и густо рассмеялся. – Да только что. Всем звонил, пугал порядочных людей, искал тебе холст, попутно в своих загашниках рылся. Ты же знаешь мой подвал... Тянется до метро «Кузнецкий Мост», с переходом на станцию «Лубянка».

Мусахов снова самодовольно хохотнул.

– И среди всякого хлама нашел то, что тебе требуется. Метров шесть с гаком. Качество – гаже не бывает, приятно посмотреть. Ты сейчас где? В мастерской? У Снегирева?

– Самого Снегирева с нами уже нет, но можно сказать и так. – Александра уселась, коснувшись босыми ногами холодного паркета. Из щелей между разошедшихся плашек немилосердно дуло – сквозняк мог бы погасить пламя свечи. – Я знала, что вы все моментально достанете! Как мне вас благодарить?!

– Свари к моему приезду чашку кофе, – усмехнулся в трубку Мусахов. – Ты же знаешь, я сам в этом деле не мастак, а машины все эти бездушные не люблю.

Положив замолчавший телефон на подушку, художница поспешно оделась и, подойдя к окну, отодвинула портьеру. Утро ослепило ее. Небо было ясное, солнце уже успело подняться над крышами старинных особняков близ Солянки. В морозном воздухе то и дело мелькали крошечные огненные иглы – замерзшие кристаллы воды преломляли солнечный свет. Края оконных стекол – в комнате стояли старые двойные рамы – украсили размашистые пейзажи, автором которых был иней. Александре от души было жаль тех детей, в доме у которых стояли современные стеклопакеты, – на них мороз свои узоры не рисовал. Она помнила, как в детстве подолгу любовалась на снежные заросли, расписавшие стекло, поражаясь тому, что узор нигде не повторяется. Отец рассказывал ей, что это замерзшие молекулы воды воссоздают картины первобытной растительности, такой, какой та была задолго до появления человека. Саша не сомневалась в том, что это правда, и до сих пор не удосужилась проверить,

так ли это на самом деле. С трудом оторвавшись от окна, художница отдернула вторую портьеру и поспешила на кухню.

* * *

– И ничего-то здесь не изменилось! – немедленно заметил Мусахов, когда Александра распахнула перед ним дверь черного хода. Переступив порог кухни, гость оглядел синие облупившиеся стены и покачал головой: – Вчера забыл спросить – сколько? Сколько она с тебя дерет?

– Цена вполне уместная, учитывая расположение... – начала Александра, но Мусахов перебил:

– Так сколько?

И, услышав цену, кивнул:

– Юлька – жадная. За копейку удавится. В комнату можно заглянуть?

Осмотрев мастерскую, торговец шумно втянул носом воздух:

– Н-ну... Больше похоже на человеческое жилье, чем то, что было раньше.

– И есть ванная, – не без гордости присовокупила Александра.

– У тебя бытовые идеалы времен военного коммунизма, моя драгоценная, – пожал плечами Мусахов. – Конечно, с какой точки зрения смотреть. Одному нужны золотые унитазы, для другого это все так, мирские искушения... Ладно,

где мой кофе?

– Готов. – Художница отодвинула стул от рабочего стола. – Присаживайтесь, сейчас принесу.

Вернувшись через минуту с двумя кружками, она устроилась за столом напротив гостя:

– К сожалению, больше угостить нечем. А... Заказ в машине?

– Я решил сделать тебе доставку в подарок. – Торговец осторожно поднес кружку к губам и поднял внимательный взгляд поверх дымящегося кофе. – Ты же не за рулем, насколько я помню.

– О, нет, не стоит... – запротестовала Александра, пытаясь придумать вежливую форму для категорического отказа, и умолкла. Что-то говорило ей, что Максим будет не в восторге от постороннего вторжения. Художнице вспомнились ограничения, которые он на нее наложил: не вывозить олеографии за пределы отеля, не выкладывать их снимки в Сети. «Чужие здесь не ходят!» – как наяву услышала она резкий голос.

– Это неудобно, – сказала, наконец, Александра, нарушая повисшую паузу.

– Саша, – тихо и выразительно произнес Мусахов, ставя на столешницу кружку. К кофе он не прикоснулся. – Такая строгая секретность вокруг такой чепухи – плохой признак. Ты это знаешь не хуже меня. Ладно, не хочешь выдавать клиента – не настаиваю, не мое дело. Но скажи хотя бы, в каком

направлении исчезаешь?

Александра делано засмеялась, откидываясь на спинку стула:

– Сама не знаю! Вот правда, не знаю адреса... Меня оба раза возили, даже примерно дорогу не вспомню. Это не город, не дачный поселок, а просто...

Она запнулась и развела руками:

– Просто лес.

– По какому хоть шоссе тебя возили? – Мусахов выглядел очень серьезным.

– По Ярославке. Но потом мы ушли направо. И потом еще были повороты.

– А как ты сейчас собралась туда попасть?

– Позвоню знакомым, они сориентируют таксиста. Геологацию пришлют, в конце концов... Не беспокойтесь за меня!

– Так ты там не одна? – подался вперед Мусахов. – Что за знакомые? Я их знаю?

– Не сомневаюсь, что знаете, но называть имен не буду, – Александра поднялась из-за стола. – Это их бизнес. Не обижайтесь, Иван Константинович. Мне бы с вами за товар расплатиться да собираться в дорогу... Сколько я должна?

Мусахов тоже встал. Обиженным он не выглядел – скорее, встревоженным.

– Понимаю, Саша, что лезу не в свое дело. – Он обвел взглядом стеллажи, стоявшие вдоль стен, полки, загроможденные папками, свертками и банками. Систему в этом хаосе

могла рассмотреть только сама художница. – Но мне сегодня не спалось. Все вспоминал того своего приятеля...

– Которого закопали в лесу?

– Может, и не в лесу, – покачал головой Мусахов. – Никто ничего не знает. Но после того, что он натворил, учитывая, каких людей обманывал, лес – вероятный вариант. Лес или бетон на стройке. *Венки* гниют тысячами по всей Москве. Какие угодно. Зачем стряпать новые, если можно старые на пятак ведро закупать? Сейчас и хороший-то товар никому не нужен. Так откуда к тебе прилетел такой заказ?

– Это декор, Иван Константинович. – Александра успокаивающим жестом коснулась руки торговца картинами. Она была искренне тронута его участием. – Не подделка. И ничего зловещего в этом нет. Просто прихоть заказчика. Пойдемте к машине, я вам помогу.

Мусахов уехал сразу, как они разгрузили багажник и перенесли коробки в мастерскую. К своему кофе он так и не притронулся, и его лицо не покидало тревожное выражение. Прощаясь, он на миг задержал руку Александры в своей широкой горячей ладони и внушительно произнес:

– Если что – немедленно звони!

Она пообещала быть на связи и, стоя у окна кухни, проводила взглядом знакомый синий внедорожник, с трудом выезжавший из тесно заставленного автомобилями, плохо очищенного от снега двора. Не успела машина исчезнуть в подворотне, как в мастерской зазвонил телефон. Мобильник так

и остался лежать на подушке.

– Аристарх? – удивленно произнесла Александра, увидев имя на экране и услышав голос в трубке. Удивляться было чему – ей всегда звонила Светлана. Художница даже не помнила, что в списке контактов значился также номер самого декоратора.

– Да, Саша, я, – сдавленно выговорил Сазонов. Его голос, обычно очень тихий, сейчас и вовсе был почти неразличим. – Тут начался ад. Скоро вернешься?

– Сейчас как раз собираюсь, – художница нахмурилась, глядя на свертки, загромоздившие рабочий стол. – Что у вас происходит?

– Да все разом приехали, – ответил Аристарх, и других объяснений Александре не потребовалось. Она только прикрыла глаза.

– Кинь мне подробный адрес и, если можно, геолокацию, – попросила она. – Я вызываю такси.

– Уже прислал, посмотри сообщения, – откликнулся Аристарх. – Сам бы с радостью за тобой приехал, но... Унизительно в таком признаваться – меня не отпустят.

– Ладно, не принимай все эти страсти близко к сердцу, – сочувственно произнесла художница. – Теперь у тебя есть помощники, это главное.

– Не то слово, сразу четыре помощника! – фыркнул Аристарх. – Если я не избавлюсь от сыновей, мы запорем заказ. Если избавлюсь, Света меня убьет. Ты очень здесь нужна!

– Но я-то что могу сделать? – вздохнула Александра.

– Ничего делать не надо, просто приезжай поскорее, – попросил Аристарх. – Ты ее как-то уравниваешь. Она при тебе стесняется... Словом, поскорее!

В его тихом голосе – голосе человека, который говорит с опаской, боясь, что его подслушивают, – звучала искренняя мольба. Еще раз пообещав поторопиться и закруглив разговор, Александра задала себе вопрос, удастся ли ей держаться в стороне от семейных дрызг Сазоновых и полноценно работать? Не найдя ответа, она принялась собирать большую дорожную сумку. Холст был упакован в плотную коричневую бумагу. Не удержавшись, художница надорвала упаковку и убедилась, что старый знакомый ее не подвел. Холст, крупнозернистый, грубо сотканный, испещренный узлами, стал бы кошмаром для любого художника. Но ей требовался именно такой. «Просто чудо, что удалось найти эту дерюгу меньше чем за сутки!» Александра бережно уложила сверток в сумку. Она уже не испытывала стыда или разочарования, думая о предстоящей работе. Напротив, не терпелось заняться новым для нее делом, попробовать технику, в которой она никогда не работала. Кончики пальцев, казалось, кололи тонкие горячие иголки. Александра знала это ощущение, жгучее и томящее, – это был рабочий азарт.

Художница застегнула молнию на сумке и набрала номер такси.

Еще не доезжая до ворот отеля, Александра заметила признаки оживления за массивным забором. В ясном небе, пронзительно-синем, над территорией отеля высились несколько столбов дыма, поднимавшегося из каминных труб. Из-за сильного мороза – прогноз погоды не обманул – дым стоял вертикально и казался неподвижным. Художница насчитала пять дымных столбов. «Отапливаются мой домик, шале Сазоновых и еще два шале – их сыновей и этой супружеской пары. И главное здание».

Но стоило такси остановиться у ворот, как Александра убедилась в своей неправоте. Над каминной трубой главного здания дым не поднимался. Зато каминные во всех пяти готовых шале топились вовсю. Жора, подоспевший с пультом, открыл ворота ровно настолько, чтобы Александра могла войти. Таксисту пришлось разворачиваться за решеткой, маневрируя между оградой и высокими сугробами, оставленными снегоочистителем. Художница наблюдала за машиной, прикидывая, какими благословениями осыпает ее водитель – ведь сразу за воротами было достаточно места для разворота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.